

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Институт гуманитарных
историко-теоретических исследований

ИСТОРИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ

формирование
представлений
о прошлом

*Коллективная монография
в честь профессора И.М. Савельевой*

Издательский дом
Высшей школы экономики
Москва, 2012

УДК 930.1
ББК 63.3
И90

*Текст монографии подготовлен в ходе реализации проекта
«Формирование дисциплинарного поля
в социальных и гуманитарных науках в XIX–XXI вв.»,
выполненного в рамках программы
фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2011 году*

Ответственный редактор — *А. Н. Дмитриев*

Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом [Текст]: коллект. моногр. в честь проф. И. М. Савельевой / отв. ред. А. Н. Дмитриев ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. — 551, [1] с. — 600 экз. — ISBN 978-5-7598-0914-2 (в пер.).

В книге описывается многостороннее развитие базовых представлений о прошлом своей страны и Европы в Российской империи второй половины XVIII — начала XX века. В отличие от традиционного историографического рассмотрения, сосредоточенного только на эволюции академической науки, авторы исходят из более комплексного подхода, основанного на реконструкции ключевых понятий и механизмов исторической культуры страны (включая сферу образования, деятельность церкви и духовных школ, музеев, исторических обществ и археографических учреждений, региональных сообществ и т.д.). Изучение исторического знания органично дополняется развернутыми очерками об эволюции исторического сознания (с учетом его рецептивных и творческих компонентов), а также о динамике исторического воображения (в русском искусстве и литературе XVIII–XIX веков).

Монография подготовлена к юбилею директора ИГИТИ, ординарного профессора НИУ ВШЭ И.М. Савельевой.

УДК 930.1
ББК 63.3

ISBN 978-5-7598-0914-2

© Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», 2012

© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2012

Содержание

Предисловие	5
Введение	
<i>А.Н. Дмитриев</i>	
Прошлое нашего прошлого: проблематика исторической культуры в Российской империи	9
Раздел I. ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ	
<i>А.Б. Каменский</i>	
У истоков русской исторической науки: Г.Ф. Миллер	33
<i>Л.П. Репина</i>	
Т.Н. Грановский и идея всеобщей истории в России	52
<i>Н.Г. Фёдорова</i>	
«Воспитание историей» по гимназическим учебникам в первой половине XIX века	74
<i>А.П. Толочко</i>	
Спор о наследии Киевской Руси в середине XIX века: Максимович vs Погодин (пер. с укр. <i>А.Н. Дмитриева</i> и <i>О.В. Карповой</i>)	92
<i>В.И. Чесноков</i>	
Пути формирования и характерные черты системы университетского исторического образования в дореволюционной России	113
<i>А.В. Антощенко, А.В. Свешников</i>	
Исторический семинарий как место знания	138
<i>Томас Сандерс</i>	
Третий оппонент: защиты диссертаций и общественный профиль академической истории в Российской империи (пер. с англ. <i>А.В. Антощенко</i>)	161
<i>Н.К. Гаврюшин</i>	
Черты исторической школы в духовных академиях	193
Раздел II. ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ	
<i>В.С. Парсамов</i>	
Карамзин и формирование исторической культуры в России: к проблеме «историк и аудитория»	219

<i>Т.А. Сабурова</i> «Места памяти» русского образованного общества первой половины XIX века	235
<i>В.В. Боярченков</i> Провинциальные исследователи старины в российском историографическом пространстве середины XIX века	258
<i>Н.Н. Родигина</i> «Журналы были нашими лабораториями...»: конструирование исторического сознания провинциальных интеллектуалов второй половины XIX века	280
<i>И.М. Чирскова</i> Цензура и историческое знание в России второй половины XIX века	308
<i>А.В. Топычканов</i> Охрана и музеефикация культурного наследия России в XVIII — начале XX века	327
<i>Вера Каплан</i> Исторические общества и идея исторического просвещения (конец XIX — начало XX века).....	355
 Раздел III. ИСТОРИЧЕСКОЕ ВООБРАЖЕНИЕ	
<i>Е.А. Вишленкова</i> Прошлое показанное (вторая половина XVIII — первая четверть XIX века)	383
<i>Е.Н. Пенская</i> Русский исторический роман XIX века	418
<i>К.Н. Цимбаев</i> Реконструкция прошлого и конструирование будущего в России XIX века: опыт использования исторических юбилеев в политических целях	475
<i>С.А. Еремеева</i> Каменные гости: монументальные памятники коммеморации	499
Список трудов Ирины Максимовны Савельевой	533
Сведения об авторах.....	549
Список сокращений	551

Предисловие

Коллективная монография, посвященная основным формам и институтам «переработки прошлого» в императорской России, стала результатом общих усилий исторической «команды» Института гуманитарных историко-теоретических исследований. Нам особенно важно отметить, что к ее замыслу и первым обсуждениям состава и содержания был непосредственно причастен Андрей Владимирович Полетаев (1952–2010) — один из основателей ИГИТИ, ныне носящего его имя. Решающую роль в подготовке сборника на начальных стадиях его формирования сыграл декан факультета истории НИУ ВШЭ и главный научный сотрудник ИГИТИ профессор Александр Борисович Каменский.

Эта книга посвящается юбилею директора ИГИТИ, ординарного профессора НИУ ВШЭ Ирины Максимовны Савельевой. Для членов авторского коллектива ее работы были и остаются ориентиром в области теоретического осмысления как наших собственных исследований, так и базовых характеристик того поля, в котором мы работаем как ученые. Изучение исторического сознания, исторической культуры, взаимосвязей и сложной эволюции представлений о прошлом в самых разных обществах и на всех континентах теперь неотделимо от ее вклада, системного мышления и характерного исследовательского почерка. Нам особенно отраднo отметить, что в ее работах (как и, мы надеемся, на страницах этой коллективной монографии) преодолевается привычное разделение исторической профессии на специализации по русской *или* зарубежной истории, со своими часто неотрефлексированными ограничениями и односторонностями. Национальную науку или историческое сознание — будь то в Германии позапрошлого века, в Америке или в нынешней России — профессор Савельева неизменно рассматривает и оценивает в широком международном контексте. То, что изучение своего прошлого оказывается особенно пристальным и многосторонним именно в свете уроков европейского и мирового опыта, всегда было для нее аксиомой.

Бесспорный научный авторитет Ирины Максимовны счастливо дополняется ее организаторскими заслугами, но главное — непрерывными усилиями по поддержанию качества и стиля работы нашего исторического и гуманитарного цеха. Во всем этом сказывается ее эрудиция и вкус к теории, редкое сочетание благожелательного внимания к чужому мнению и бескомпромиссного следования собственному видению и приоритетам в науке. Все эти характеристики — вовсе не дань юбилейной риторике или дежурные похвалы начальству (ибо работать с Ириной Максимовной

Предисловие

интересно и ответственно, а не просто приятно). Скорее празднование юбилея — важный повод сказать то, что остается фоном разнообразных научных дел и хлопот, конференционных дискуссий, деловых или житейских бесед, но вслух произносится весьма редко. Мы, как и раньше, с нетерпением ждем новых статей и книг Ирины Максимовны, продолжения споров и общения и уверены в многолетней дальнейшей работе по совместному постижению прошлого, которое никогда не бывает утраченным без остатка.

Введение

А.Н. Дмитриев

ПРОШЛОЕ НАШЕГО ПРОШЛОГО: ПРОБЛЕМАТИКА ИСТОРИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Историческая культура — понятие относительно новое, устойчиво вошедшее в лексикон гуманитариев только в последние десятилетия. Между тем сам феномен сложного и иерархического единства представлений о прошлом, аккумулируемых и транслируемых в коллективном опыте человечества, едва ли не так же древен, как письменные практики первых цивилизаций. 1980–2000-е годы стали временем подлинного бума «исторической памяти» — количество публикаций, связанных с этой темой и сопутствующими категориями прибавляется в каждой стране практически ежемесячно, если не ежедневно. Внимание и интерес к сюжетам прошлого, актуально присутствующим в жизни того или иного современного сообщества, обычно сосредоточены на «горячих» и спорных сегодняшних проблемах (в разных регионах мира связанных более всего с наследием Второй мировой войны или расовой сегрегацией и колониальным прошлым, а кроме того и с памятью о минувшей эпохе «реального социализма»). В отличие от публицистов и журналистов ученые с самого начала вели речь и о более широком хронологическом понимании проблематики исторической памяти — о составе и операциональных блоках, тех или иных когнитивных и идеологических модусах понимания истории уже не только «здесь и сейчас», но и в самых разных обществах и цивилизациях, включая давно исчезнувшие¹. И понятие «историческая культура», учитывающее немецкий послевоенный опыт «переработки прошлого», как раз и способствовало переосмыслению новейших стереотипов или уже опробованных историографических канонов. Перед историками разных школ и поколений встает задача показать эволюцию «высокой» исторической традиции и академической науки на фоне изменчивого неспециализированного знания о прошлом, осмыслить взаи-

¹ Савельева И.М., Полетаев А.В. «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого / И.М. Савельева, А.В. Полетаев (ред.). М., 2005. С. 170–220; Хаттон П. История как искусство памяти : пер. с англ. СПб., 2003; Лоуэнталь Д. Прошлое — чужая страна : пер. с англ. СПб., 2004.

мосвязи многообразных исторически контекстуальных форм и практик присвоения и освоения минувшего².

Очень большую роль в обновлении критических представлений о формах и способах присутствия истории в европейском (по преимуществу) культурном и политическом сознании сыграли работы, представленные в известном сборнике под редакцией Эрика Хобсбаума и Теренса Ренджера «Изобретение традиций» (1983)³. «Удревнению» проблематики памяти и расширению употребления понятия «коммуникации» в сфере исторических исследований способствовал цикл трудов Яна и Аллейды Ассман⁴. Все эти перемены повлияли на представления о характере и структурах исторического сознания. Бывшее ранее (особенно в отечественном обиходе) категорией преимущественно социально-философской, теперь оно стало употребляться в более тесной связи с проблематикой историописания (в том числе взятого и в более обширной перспективе — от локального до национально-государственного и общерегионального, вплоть до глобальных масштабов)⁵. Понятие «историческая культура» в отличие от всеохватного исторического сознания акцентирует как раз институциональный и рефлексивный, сознательно направляемый («культивируемый») аспект представлений о прошлом. Недаром, особенно в современной немецкой традиции, проблематика исторической культуры обсуждается в прямой связи с вопросами не только идеологии, но и культурной политики, политики образования, и даже школьной дидактики⁶.

Понятие исторической культуры охватывает многообразные отношения между профессиональной историографией и более обширной сфе-

² См. одну из первых серьезных попыток использовать категорию исторической культуры: Guenée B. Histoire et culture historique dans l'occident Médiéval. Paris, 1980 (Пер. на рус. яз.: Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002).

³ The Invention of Tradition / E.J. Hobsbawm, T. Ranger (eds.). Cambridge, 1983.

⁴ Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004; Assmann A. Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik München, 2006. См. также: Holtorf C. Geschichtskultur in ur- und frühgeschichtlichen Kulturen Europas // Der Ursprung der Geschichte / J. Assmann, K.E. Müller (Hg.). Stuttgart, 2005. S. 87–111, 292–300; Fischer T.E. Geschichte der Geschichtskultur. Über den öffentlichen Gebrauch der Vergangenheit von den antiken Hochkulturen bis zur Gegenwart. Köln, 2000.

⁵ Ср.: Левада Ю. Историческое сознание и научный метод // Философские проблемы исторической науки. М., 1969. С. 186–224; Барг М. Эпохи и идеи: Становление историзма. М., 1987; Барг М.А., Авдеева К.Д. От Макиавелли до Юма: становление историзма. М., 1998. См. важный обобщающий труд: Erinnerung, Gedächtnis, Wissen. Studien zur kulturwissenschaftlichen Gedächtnisforschung / G. Oesterle (Hg.). Göttingen, 2005.

⁶ Geschichtskultur. Theorie — Empirie — Pragmatik / B. Mütter, B. Schönemann, U. Uffelmann (Hg.). Weinheim, 2000.

рой общественных представлений об истории (историческим сознанием) в разные эпохи и периоды⁷. При этом характер этих взаимодействий понимается не как однонаправленный процесс продвижения от сознания «вообще» к науке — исключительно в плоскости академизации и критического пересмотра повседневных, массовых или обыденных представлений о прошлом. Пространство исторической культуры начиная с XIX века также непременно включало в себя и сферу обратных связей — область популяризации, распространения и переприсвоения, своеобразного «низового» переписывания истории, транслируемой «сверху» (точнее из политического, идеологического или символического центра, столицы, университета и т.д.). Кроме того, в зазоре между профессиональной историографией и историческим сознанием общества располагается и деятельность многочисленных исторических, археологических, краеведческих и этнографических обществ, а также полупрофессиональных общественных объединений и организаций, связанных с изучением прошлого. И, разумеется, сама сфера исторического знания в том или ином обществе будет заведомо шире, чем область академической исторической науки в этой же стране или регионе.

В отечественной науке представления об исторической культуре, ее составе и специфике начали складываться также относительно недавно (особенно важную роль тут играют коллективные начинания, связанные с оформлением интеллектуальной истории как особой субдисциплины и деятельность Российского общества интеллектуальной истории во главе с Л.П. Репиной)⁸. Интересно обратить внимание на то, что пока большинство российских работ по проблематике исторической культуры (и круг авторов, эксплицитно это понятие использующих) связаны преимущественно с зарубежной тематикой и прошлым скорее «иных» стран, нежели России⁹.

Разумеется, наше исследование, выполненное коллективом авторов в форме очерков, не является первооткрывательским — оно связано с бо-

⁷ *Rüsen J.* Was ist Geschichtskultur? Überlegungen zu einer neuen Art, über Geschichte nachzudenken // *Historische Faszination. Geschichtskultur heute* / J. Rüsen, T. Grütter, K. Fußmann (Hg.). Köln u.a., 1994. S. 3–26; *Woolf D.* The Social Circulation of the Past: English Historical Culture, 1500–1730. Oxford, 2003.

⁸ *Репина Л.П.* Историческая культура как предмет исследования // *История и память: историческая культура Европы до начала нового времени* / Л.П. Репина (ред.). М., 2006. С. 5–18.

⁹ *Уваров П.Ю.* Россия в роли «великой историографической державы» // *Национальная гуманитарная наука в мировом контексте: опыт России и Польши*. М., 2010. С. 121–139; *Дмитриев А.* Контекст и метод (предварительные соображения об одной становящейся исследовательской индустрии) // *Новое литературное обозрение*. 2004. № 2 (66). С. 68–87.

гатым опытом изучения истории исторической науки в нашей стране, где уже давно сложились устойчивые историографические жанры и традиции (особенно отметим такие противоположные по заданию и замыслу капитальные сочинения, как «Главные течения русской исторической мысли» (1897) Павла Милюкова и уже советскую «Русскую историографию» (1941) Николая Рубинштейна¹⁰). Вместе с тем замысел книги — принципиально иной, чем очередная ревизия или даже расширение привычной историографической работы. Для нас особенно важно представить академическую или университетскую науку о прошлом в контексте различных других форм общественного сознания, связанного с историей (от гимназического образования до живописи или романистики). Кроме того, «отчуждающий», неканонический взгляд на профессиональное изучение прошлого — с точки зрения его организационных условий, техник выработки или форм культурного бытования исторического знания — был значим для нас именно желанием выйти за пределы стандартной внутрицеховой оптики. Ведь в историографических текстах вне зависимости от симпатий или пристрастий их авторов приоритет до сих пор безусловно принадлежит нарративу кумулятивного и *внутренне* беспроблемного накопления знания. При этом общепризнанный и очевидный факт борьбы и соперничества разных школ и направлений все равно включается в конечном счете в картину пополнения, пересмотра и уточнения общего и устоявшегося корпуса сведений о прошлом¹¹.

Задача предлагаемого сборника существенно отлична от очередной реализации этого имплицитного императива. Авторы книги стремились проследить *разные*, порой несхожие пути формирования исторической культуры, а также способы и формы приращения, упорядочения и регламентации исторического знания в императорской России. Акцент сознательно будет сделан на проблематику XIX столетия, когда и научные, и «корпоративные» (дворянские и официально-государственные), а также массовые представления о прошлом достигли уже достаточно зрелого и отрефлексированного состояния и уровня. Однако опирались эти представления на давний фундамент исторических образов и знаний о минувшем в средневековой Руси, весьма существенно ревизованных во времена Петра Первого и в по-

¹⁰ См. обширную вступительную статью: Мандрик М.В. Николай Леонидович Рубинштейн: Очерк жизни и творчества // Рубинштейн Н.Л. Русская историография. СПб., 2008.

¹¹ См.: Цамутали А.Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. Л., 1977; Цамутали А.Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Л., 1986; Шаханов А.Н. Русская историческая наука второй половины XIX — начала XX века: Московский и Петербургский университеты. М., 2003; Брачёв В.С. «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. СПб., 2001 и др.

следующие десятилетия¹². В то же время базовые исторические схемы Московского царства (преемственности династической власти Рюриковичей, трансляции киевского наследия через Владимиро-Суздальские земли) воспроизводились и в исторических сочинениях XVIII века¹³, а затем легли в основу научной историографии последовавших столетий, вплоть до общих курсов Ключевского, Покровского и школьных учебников.

Первый раздел нашей книги посвящен проблематике **исторического знания** в императорской России.

Понимание прошлого в древней и допетровской Руси в последнее время стало предметом пристального внимания историков (В.М. Живова, И.Н. Данилевского, А.Л. Юрганова, К.Ю. Ерусалимского), отмечавших своеобразие и поэтику летописного текста и характер переосмысления восточнославянскими авторами библейского сказания применительно к событиям и обстоятельствам *своего* прошлого¹⁴. Восприятие минувшего своей страны

¹² См., в частности: *Моисеева Г.Н.* Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980.

¹³ Базовыми текстами здесь была Степенная книга XVI века, сохранявшая значимость как памятник и источник исторических представлений и в XVIII столетии, а также многократно переиздававшийся «Синописис» Иннокентия Гизеля. См.: *Сиренов А.В.* Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. М.; СПб., 2010 (особенно гл. 8 об официальных исторических сочинениях петровского времени, с. 334–385); *Формозов А.А.* Феномен «Синописиса» // *Формозов А.А.* Человек и наука: из записей археолога. М., 2005. С. 127–146; о церковной переоценке роли Киева см.: *Опарина Т.А.* Москва как новый Киев, или Где же произошло Крещение Руси: взгляд из первой половины XVII века // *История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени* / Л.П. Репина (ред.). М., 2006. С. 635–663.

¹⁴ См. только некоторые работы из весьма обширного списка: *Живов В.М.* Два пространства русского Средневековья и их позднейшие метаморфозы // *Отечественные записки*. 2004. № 5(20). С. 8–27; *Данилевский И.Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): Курс лекций. М., 2001; *Успенский Б.А.* Борис и Глеб: восприятие истории в Древней Руси. М., 2000; *Плюханова М.Б.* Сюжеты и символы Московского царства. М., 1995; *Ранчин А.М.* Киевская Русь в русской историософии XIV–XVII веков (некоторые наблюдения) // *Ранчин А.М.* Вертоград Златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М., 2007. С. 221–232; *Ерусалимский К.Ю.* Понятие «история» в русском историописании XVI века // *Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала нового времени* / Л.П. Репина (отв. ред.). М., 2003. С. 365–401; *Ерусалимский К.Ю.* Прочтение Ренессанса историографией барокко: сборник Курбского в исторической культуре России конца XVII — начала XVIII века // *Человек в культуре русского барокко*. М., 2007. С. 386–408; *Усачёв А.С.* Древнейший период русской истории в исторической памяти эпохи Московского царства (на материале «Книги степенной царского родословия») // *История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени*. С. 609–634; *Богданов А.П.* От летописания к исследованию: Русские историки последней четверти XVII в. М., 1995. Ср. анализ европейских сочинений того времени: *Grafton A.* What Was History? The Art of History in Early Modern Europe. Cambridge, 2007.

и иных государств и народов в XVIII веке развивалось уже на принципиально иных основах. Недавняя полемика вокруг специфики историографического наследия В.Н. Татищева (в связи с книгой А.П. Толочко¹⁵) подчеркивает сложный характер конструирования истории в российском XVIII веке, часто далекого от современных исследовательских критериев и установок. В очерке **А.Б. Каменского** о Г.Ф. Миллере детально раскрыта проблематичность утверждения принципов критической историографии в российском академическом сообществе того времени¹⁶. В статье **Л.П. Репиной** показано не только становление Т.Н. Грановского в качестве крупнейшей фигуры российской медиевистики и всеобщей истории¹⁷, но и формирование его образа как модели поведения университетского человека и историка *per se* для более широкой культурной среды и для последующего времени (эта его репутация поддерживалась в историческом и гуманитарном сообществе и после 1917 года).

Развитие профессиональной историографии в России было невозможно без распространения исторических знаний в образованной среде общества — в домашнем воспитании¹⁸ и особенно в учебном деле¹⁹. Преподавание истории в средней школе и гимназии рассматривается в статье **Н.Г. Фёдоровой** в важном «остраивающем» повороте — предметом особого внимания автора становится не весь образовательный процесс в целом или только транслируемые в нем ценности и образцы, но именно учебные тексты²⁰.

¹⁵ Толочко А.П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев, 2005; Стефанович П.С. «История Российская» В.Н. Татищева: споры продолжаются // Отечественная история. 2007. № 3. С. 88–96; Свердлов М.Б. Василий Никитич Татищев — автор и редактор «Истории Российской». СПб., 2009.

¹⁶ См. также: Каменский А.Б. Ломоносов и Миллер: два взгляда на историю // Ломоносов: Сборник статей и материалов. Т. IX. СПб., 1991; и особенно материалы содержательного исследования: Пештич С.Л. Русская историография XVIII в.: в 3 ч. Л., 1961–1971.

¹⁷ Маслова Н.В., Агеева И.В. Русская история в научном наследии Т.Н. Грановского. К 180-летию со дня рождения // Отечественная история. 1993. № 4. С. 73–84. См. более общий очерк отечественной традиции изучения всемирной истории: Hecker H. Russische Universalgeschichtsschreibung: Von den «vierziger Jahren» des 19. Jahrhunderts bis zur sowjetischen «Weltgeschichte». München, 1983.

¹⁸ См. о популярной писательнице первой половины XIX века А.О. Ишимовой, авторе «Истории России в рассказах для детей» (1837–1841): Файнштейн М. Наставницы юных // Файнштейн М. Писательницы пушкинской поры: Историко-лит. очерки. Л., 1989. С. 42–57.

¹⁹ Володина Т.А. История в пользу российского юношества: XVIII век. Тула, 2000; Володина Т.А. Учебники отечественной истории как предмет историографии: середина XVIII — середина XIX в. // История и историки. 2004. М., 2005. С. 104–126; Володина Т.А. Уваровская триада и учебники по русской истории // Вопросы истории. 2004. № 2. С. 117–128.

²⁰ Белюфост М.Г. Проблемы школьного исторического образования в ракурсе внутренней политики российского правительства в начале XX века. Тамбов, 1998; Бабич И.В. Проблема учебника отечественной истории в политике министерства народного просвещения

Притом учебники по всеобщей истории задавали рамку для интерпретации также и российского прошлого, когда «свое» широко и разнопланово постигалось на фоне «чужого». Позже ведущими текстами по отечественной истории станут книги знаменитого Д.И. Иловайского (1832–1920)²¹. Патристические и порой верноподданнические установки Иловайского окажутся затем предметом иронического изображения и пародирования в русской литературе (например, у авторов «Сатирикона» уже в начале XX века). Во второй половине XIX века тексты исторических пособий все чаще пишут сами профессиональные историки первого ранга — вроде С.М. Соловьёва или С.Ф. Платонова, учебные тексты по всеобщей истории для гимназий и школ создают также П.Г. Виноградов, Р.Ю. Виппер и Н.И. Кареев²².

Середина XIX века становится временем созревания академических стандартов российской исторической науки, но это имело не только сугубо научные, но и социально-идеологические коннотации именно в плане поиска субъекта исторического развития (*народа*) и адресата исторического письма (*общественности*) в процессе конструирования прошлого. Важность работы **А.П. Толочко** в том, что он показывает всю сложность и многосоставность перехода от имперского к национальному историческому дискурсу. Эта общая проблематика рассмотрена на примере полемики об «этнической» принадлежности Киевской Руси между Михаилом Погодиным и Михаилом Максимовичем на страницах славянофильских журналов и научной периодики сразу после смерти Николая I. Уже через несколько десятилетий и особенно интенсивно к концу XIX века многие ранние опыты написания местной истории окажутся переиначены и задним числом «национализированы» пропагандистами украинского национального возрождения²³. Весьма проблематичным с 1880-х годов становится описание прошлого юго-западных территорий, которое в ряде работ авторитетных историков (особенно у Михаила Грушевского) начинает переосмысляться сквозь призму идеи непрерывности украинской истории, в противовес «при-

в конце XIX — начале XX в. // Вестник Московского университета. 1990. Сер. 8. История. № 2. С. 73–83; Фукс А.Н. Школьные учебники по русской истории (1861–1917 гг.): учеб. пособие. М., 1985; Фукс А.Н. Школьные учебники по отечественной истории как историографическое явление // Преподавание истории в школе. 2007. № 7. С. 28–34 (см. материалы докторской диссертации А.Н. Фукса «Школьные учебники по истории как историографический феномен (конец XVII века — 1930-е годы)». М., 2011.

²¹ См.: Чекурин Л.В. Русский историк Д.И. Иловайский: Опыт биобиблиографического исследования. Рязань, 2002; Фукс А.Н. Русская история в школьных учебниках Д.И. Иловайского // Отечественная история. 2008. № 5. С. 185–192.

²² Антощенко А.В. Русский либерал-англофил П.Г. Виноградов. Петрозаводск, 2010.

²³ См. важные соображения Олега Журбы (Днепропетровск) о позднем переходе от «регионального» к «национальному»: Журба О. Теоретичні проблеми української археографії // Україна модерна. 2005. № 9. С. 152–172.

вычной схеме» движения русского исторического процесса²⁴ из Древнего Киева через Владимиро-Суздальскую землю прямо в Московское царство. Ревизия привычной картины отчасти была свойственна и занятиям историей так называемого Западного края (особенно Белоруссии²⁵). Точно так же обращение к еврейской историографии²⁶, к мусульманским памятникам (в Казани, Крыму или на Северном Кавказе)²⁷ или к прошлому народов Закавказья²⁸ существенно расширяет к исходу XIX века прежний мейнстрим (от Карамзина к Ключевскому) господствующего историографического канона. Этот имперский контекст²⁹, разнородность, а порой и несводимость

²⁴ Наиболее известна критика традиционной схемы общероссийского исторического процесса (от древнего Киева через царскую Москву в имперский Петербург), сформулированная М. Грушевским в самом начале XX века (см.: *Дорошенко Д.* Огляд української історіографії. Прага, 1923 [Киев, 1996]; *Ісаєвич Я.* Праця Михайла Грушевського «Про дві схеми східноєвропейської історії»: історіографічний і політичний контекст // Михайло Грушевський і Західна Україна. Львів, 1995. С. 83–90.). Позднее его аргументы отчасти были приняты во внимание А.Е. Пресняковым; но затем в отечественной историографии в понимании восточнославянского этногенеза надолго возобладала парадигма «древнерусской народности», начальные положения которой были сформулированы еще до советского периода (см. обстоятельную книгу украинского историка Натальи Юсовой: *Юсова Н.* «Давньоруська народність»: зародження і становлення концепції в радянській історичній науці (1930-ті — перша половина 1940-х рр.). Київ, 2006.

²⁵ См.: *Алексеев Л.В.* Белорусская археология и историческое краеведение во второй половине XIX — начале XX в. // Советская археология. 1968. № 3. С. 85–100; *Смоленчук А.Ф.* Историческое сознание и идеология поляков Белоруссии и Литвы в начале XX века // Славяноведение. 1997. № 5. С. 100–105; *Кохановский Г.А.* Историография изучения культуры Белоруссии в конце XVIII — начала XX вв. Становление научных знаний по археологии, историческому краеведению и фольклористике. Минск, 1992.

²⁶ *Локишин А.* Российская иудаика: русско-еврейская история и ее исследователи // Евреи в Российской империи XVIII–XIX вв. М., 1995. С. 3–22; *Кельнер В.Е.* Миссионер истории: жизнь и труды Семена Марковича Дубнова. СПб., 2008 и т.д.

²⁷ *Лунин Б.В.* Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895–1917 гг.). Ташкент, 1958; *Лунин Б.В.* Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения: Историографический очерк. Ташкент, 1979; *Tolz V.* Russia's Own Orient?: The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods. Oxford, 2011.

²⁸ *Джавахов И.А.* А.С. Хаханов и его деятельность в области кавказоведения. М., 1912; *Черняев П.Н.* Из истории кавказоведения // Сборник статей по вопросам культуры. Ростов-на-Дону, 1928. Вып. 4. (Труды Северо-Кавказской ассоциации научно-исследовательских институтов. № 43). С. 5–42; *Тютюнина Е.С.* К вопросу об организационных формах исторического кавказоведения во второй половине XIX века // Вопросы истории и историографии Северного Кавказа (дореволюционный период). Нальчик, 1989. С. 113–125; Историография и источниковедение истории Северного Кавказа (вторая половина XVIII — первая треть XX в.): Библиографический указатель. Предварительный список: в 2 ч. / М.Е. Колесникова (автор-составитель); М.П. Мохначёва (науч. ред). Ставрополь, 2009.

²⁹ См.: *Дмитриев А.Н.* Украинская наука и ее имперские контексты (XIX — начало XX века) // *Ab Imperio.* 2007. № 4. С. 121–172.

локальных историй разного уровня в одну законченную и согласованную картину общего прошлого разных слоев населения и этнических групп привлекают первостепенное внимание новейшей историографии³⁰. Однако в первые десятилетия XIX столетия местные версии исторической памяти были весьма далеки от будущих национальных нарративов (см. также статьи В. Боярченкова и Н. Родигиной во втором разделе монографии).

Особенно активным процесс развития исторической науки «вширь» стал в пореформенные годы — см. публикуемую в книге статью воронежского исследователя **В.И. Чеснокова** (1939–2000)³¹. Регламентация учебного дела была только одной из частей формировавшегося механизма государственного регулирования исторического знания. Через выработку базовых положений университетского устава, установление численности и соотношения кафедр по факультетам и в академиях государство (а точнее — ведомство народного просвещения) определяло общие параметры, формальный состав исторической науки, характер воспроизводства преподавательского корпуса.

Важными моментами такой трансформации и «созревания» исторической науки стало расширение историографических изысканий, выделение историографии в отдельную отрасль науки (как свидетельство ее растущей автономизации) — особенно в трудах петербургского историка К.Н. Бестужева-Рюмина и его московских коллег³². Этой же тенденции к самостоятельности отвечало и сосредоточение работы университетских преподавателей на поиске и освоении нового знания совместно со студентами — в специализированных семинариях (с их формальными и неформальными режимами коммуникации и воспроизводства³³). Эти механизмы и практики профессионализации стали предметом специального рассмотрения в

³⁰ См. очень важный сборник: *Historiography of Imperial Russia: The Profession and Writing of History in a Multinational State* / T. Sanders (ed.). Armonk, 1999 и недавно изданную антологию текстов из журнала «Ab Imperio»: *Изобретение империи: языки и практики*. М., 2011.

³¹ См. статью-некролог о нем: Владимир Иванович Чесноков как ученый // *Российские университеты в XVIII–XX веках*. Вып. 6. Воронеж, 2002. С. 5–24 (и специальную монографию по теме: *Чесноков В.И. Правительственная политика и историческая наука России 60–70-х гг. XIX века*. Воронеж, 1989).

³² См.: *Колесник И.И. Историографическая мысль в России: от Татищева до Карамзина*. Днепропетровск, 1993; *Киреева Р.А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г.* М., 1983. Известная работа киевского профессора В.С. Иконникова «Опыт русской историографии» (1884) осталась скорее уникальным по полноте и всеохватности детальным обзором источников и литературы по русской истории, чем трудом по истории исторической науки.

³³ Упомянем для предыдущего периода важные справочники: *Каталог личных архивных фондов отечественных историков*. Вып. 1. XVIII век; Вып. 2. Первая половина XIX века / С.О. Шмидт (отв. ред.). М., 2001, 2007. См. также: *Byford A. Initiation to Scholarship: The University Seminar in Late Imperial Russia* // *The Russian Review*. 2005. Vol. 64. No. 2. P. 299–323.

статье **А.В. Антощенко** и **А.В. Свешникова**³⁴. Вместе с тем сохранялась и общественная востребованность исторического знания даже в его специализированной форме — когда такие, казалось бы, внутренние перемены в корпорации, как защиты диссертаций или назначения новых профессоров, становились знаковыми событиями в жизни всего местного образованного общества (предмет специального исследования в очерке **Т. Сандерса**³⁵).

Общий ход автономизации и специализации исторического знания затронул также и область вспомогательных исторических дисциплин. Уже с 1770-х годов начинается систематическая деятельность по изданию источников по российской истории (стараниями Н.И. Новикова³⁶). Другим важным шагом по пути профессионализации исторической науки станет деятельность Археографической экспедиции (во главе с П.С. Строевым) в 1826–1834 годах, а позднее — и Археографической комиссии, работавшей на постоянной основе при министерстве народного просвещения с 1837 года³⁷. Одной из главных площадок поиска историка во второй половине XIX века постепенно становятся ведомственные архивы (в первую очередь, архив коллегии министерства иностранных дел и московский архив министерства юстиции³⁸). С 1804 года действует уже упомянутое Общество истории и древностей российских³⁹ при Московском университете (с 1837 года — Императорское)⁴⁰. Важнейшим центром изучения отече-

³⁴ См. также содержательную работу: *Berelowitch W. History in Russia Comes of Age. Institution-Building, Cosmopolitanism and Debates among Historians in Late Imperial Russia // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2008. Vol. 9. No. 1. P. 113–134.*

³⁵ См. анализ схожих процессов на материале близкой к историографии дисциплины — филологии: *Byford A. Literary Scholarship in Late Imperial Russia: Rituals of Academic Institutionalization. Oxford, 2007.*

³⁶ *Дербов Л.А.* Н.И. Новиков и русская история (к изданию «Древней Российской Вивлиофики») // Из истории общественного движения и общественной мысли в России. Вып. 2. Саратов, 1968.

³⁷ *Брачёв В.С.* Петербургская археографическая комиссия (1834–1929 гг.). СПб., 1997.

³⁸ *Самошенко В.Н.* История архивного дела в дореволюционной России. М., 1989; *Щавелев С.П.* Историк Русской земли. Жизнь и труды Д.Я. Самоквасова. Курск, 1996; *Шохин Л.И.* Московский архив Министерства юстиции и русская историческая наука: Архивисты и историки во второй половине XIX – начале XX века. М., 1999.

³⁹ *Демидов И.А., Ишутин В.В.* Общество истории и древностей российских при Московском университете // История и историки. 1975. М., 1978. С. 250–280; *Боярченков В.В.* Общество истории и древностей российских в середине 1840-х гг. // Вопросы истории. 2008. № 4. С. 114–121; *Шахназарова М.Г.* «Чтения в обществе истории и древностей российских» как историографический источник (1893–1918 гг.) // Вестник РГГУ. 2009. № 4. С. 133–145.

⁴⁰ *Степанский А.Д.* Первые исторические общества в России // Вопросы истории. 1973. № 12. С. 204–208; *Степанский А.Д.* К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России // Археографический ежегодник за 1974 год. М., 1975. С. 38–56.

ственной истории остаются университеты и Академия наук (а также Российская Академия, вошедшая в ее состав в 1841 году) — помимо собственно российской истории темами занятий академиков и адъюнктов были также всеобщая история, археология, востоковедение, византистика и исследования античности (в том числе на материалах Северного Причерноморья)⁴¹. Продолжается и расширяется выпуск специализированных серийных изданий по отечественной истории (включая публикацию источников, в частности «Полного собрания русских летописей», а впоследствии — и книжных серий П.И. Бартенева и А.С. Суворина)⁴².

Специальным изводом профессионального знания о прошлом в дореволюционной России оставались две отрасли, важнейшие для государственного и идейного строя Российской империи, — сферы военной и церковной историографии (последней посвящена в нашей монографии статья **Н.К. Гаврюшина**)⁴³. Обе они к тому же были и доменами особой, корпоративной памяти, которая находилась в ведении специальных учреждений (военного министерства, Генерального штаба или Священного синода и сети духовных академий). Однако к концу XIX века общий процесс распространения и демократизации знания о прошлом охватил и эти области, результатом чего стало возникновение Военно-исторического общества, открытие музея Суворова и увековечение важнейших сражений (от битвы на Куликовом поле до памяти о Русско-японской войне)⁴⁴, а также развертывание работ по церковной археологии, сохранению и реставрации

⁴¹ Хартанович М.Ф. Гуманитарные научные учреждения Санкт-Петербурга XIX века. СПб., 2006; Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб., 2002; Фролов Э.Д. Русская наука об античности. Историографические очерки. 2-е изд. СПб., 2006; Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. СПб, 2008 и др.

⁴² См.: Бакун Д.Н. Развитие библиографии исторических источников в России (XVIII — начало XX в.). М., 2006.

⁴³ Солнцев Н.И. «История русской церкви» Е.Е. Голубинского: теоретические основы и историографическое значение. Н. Новгород, 2010; Сухова Н.Ю. Научно-богословские исследования в России — проблемы и поиск (XIX — начало XX в.) // Сухова Н.Ю. Вертоград наук духовный. Сборник статей по истории высшего духовного образования в России XIX — начала XX века. М., 2007. С. 143–171 и др.

⁴⁴ Бескровный Л.Г. Очерки военной историографии России. М., 1962; Дьяков В.А. О возникновении, составе и деятельности Русского военно-исторического общества (1907–1917 гг.) // Проблемы истории общественного движения и историографии. М., 1971. С. 275–288; Автократов А.В. Научно-издательская деятельность военно-исторических комиссий и военных исторических архивов дореволюционной России // Издание исторических документов в СССР. М., 1989. С. 129–152; Автократов В.Н. Жизнь и деятельность военного историка и архивиста Г.С. Габаева (1877–1956) // Советские архивы. 1990. № 1. С. 62–76; № 2. С. 61–78; Бориснев С.В. Деятельность Императорского русского военно-исторического общества. 1907–1917 гг. // Военно-исторический журнал. 2007. № 5. С. 43–47.

памятников⁴⁵. Все это касается другой важнейшей темы воссоздания прошлого — проблематики **исторического сознания** (и второго раздела нашей книги).

Отметим, что развитые представления о прошлом в допетровской Руси оставались достоянием узкого круга образованных людей и не имели еще секулярного характера, связанного с идеями общественного целого (а государственные, территориальные или этноязыковые начала или особенности тогда так или иначе трактовались через конфессиональную исключительность православного вероисповедания).

Необходимо иметь в виду, что в допетровский период какие-либо исторические сведения общенационального характера вообще были достоянием крайне ограниченной группы грамотных людей, но и их знания не отличались скольконибудь систематическим характером, поскольку даже русские летописи были им недоступны. Для элитарных слоев Московской Руси история сводилась по большей части к истории рода, имевшей утилитарное значение в плане определения места лица на социальной лестнице. Можно утверждать, что в русском обществе допетровского времени в принципе отсутствовало какое-либо целостное представление об истории собственной страны. Создание общенациональной истории было, таким образом, по существу вообще *обретением* Истории и воспринималось как часть процесса превращения России в «политичное» государство⁴⁶.

Глубина и травматичность произошедших в первой четверти XVIII века перемен и предопределили восприятие в последующем всего прошлого России (как «старой», так и «новой») прежде всего через оценку фигуры и наследия Петра Первого⁴⁷. Характерна в этом смысле популярность полублюбовительского многотомного жизнеописания Петра, выполненного выходцем из купеческого сословия И.И. Голиковым (1735–1801), в первые десятилетия XIX столетия. В центре «Записки о древней и новой России» Карамзина, созданной для двора великой княгини Елены Павловны и оставшейся

⁴⁵ *Славина Т.А.* Исследователи русского зодчества: Русская историко-архитектурная наука XVIII — начала XX в. Л., 1983; *Вздорнов Г.И.* История открытия и изучения русской средневековой живописи, XIX век. М., 1986; *Вздорнов Г.И.* Реставрация и наука. Очерки по истории открытия и изучения древнерусской живописи. М., 2006; *Тарасов О.* Русская икона в Серебряном веке. Из истории Комитета попечительства о русской иконописи (1901–1918) // Искусствознание. 2010. № 3/4 С. 461–486.

⁴⁶ *Каменский А.Б.* Подданство, лояльность, патриотизм в имперском дискурсе России XVIII в.: исследовательские проблемы: Препринт WP6/2007/04. М.: ГУ ВШЭ, 2007. С. 39.

⁴⁷ *Плюханова М.Б.* «Историческое» и «мифологическое» в ранних биографиях Петра I // Тартуский сборник. Вторичные моделирующие системы. Тарту, 1979. С. 78–119; *Соловьёв Е.А.* Пётр Великий и русская историческая мысль XIX — начала XX века // Отечественная история. 2006. № 4. С. 112–123. О легитимации через давнее прошлое и попытках его переописания см.: *Рукавичникова В.В.* Вадим Новгородский в русской историографии и литературе (Исторический факт и его интерпретация) // Русская литература. 2000. № 4. С. 73–83; *Майофис М.* Музыкальный и идеологический контекст драмы Екатерины II «Начальное управление Олега» // Тартуские тетради / Р.Г. Лейбов (сост.). М., 2005. С. 253–260.

на десятилетия документом непубличным — а ради ее сочинения историк прервал работу над главным своим произведением, — оказывается наследие Петра. Для появления «Истории государства Российского» Карамзина были необходимы десятилетия собирательской и публикаторской деятельности И.Н. Новикова, работа единомышленников А.И. Мусина-Пушкина и позднее Н.П. Румянцева и его кружка⁴⁸. Но для восприятия этого сочинения более широким кругом читателей (предмет исследования в статье **В.С. Парсамова**) были также необходимы своеобразная историзация сознания образованных слоев и рефлексия по поводу недавнего прошлого, закрепленная в дворянской памяти деятелей «золотого века» о событиях минувшего XVIII столетия — через призму войн с Наполеоном и заката царствования Александра I. В этой связи особенно показателен очерк **Т.А. Сабуровой**, которая, в частности, рассматривает уроки и модусы восприятия революционных событий во Франции и французских исторических сочинений российской образованной элитой⁴⁹. Перемены в историческом сознании коснулись не только дворянского общества двух столиц, но и публики провинциальной⁵⁰. И именно региональному измерению исторического сознания посвящен помещенный в монографии очерк **В.В. Боярченко**.

Созданные в 1820–1830-е годы специальные исторические общества и комиссии связывали деятельность исследователей и ревнителей просвещения в разных частях империи (особенно важными здесь были вначале — в первой половине века — губернские статистические комитеты, а с 1884 года — и губернские археологические комиссии)⁵¹. В.В. Боярченко

⁴⁸ Козлов В.П. Российская археография конца XVIII — первой четверти XIX века. М., 1999.

⁴⁹ Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII — первой пол. XIX в.: От рукописи к книге. М., 1991; Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика и историческое сознание XIX в. М., 1997.

⁵⁰ Особая тема — исторические воззрения декабристов и либералов в 1810–1830-е годы, когда были заложены основы будущих столкновений западников и славянофилов и сформировался характер мировоззрения Герцена. См.: Иллерицкий В.Е. Революционная историческая мысль в России. М., 1974; специально о редакторе «Колокола»: Эйдельман Н.Я. Герцен против самодержавия: секретная политическая история России XVIII–XIX веков и Вольная печать. 2-е изд., испр. М., 1984.

⁵¹ Севастьянова А.А. Историография русской провинции второй половины XVIII в. (к постановке проблемы) // История СССР. 1991. № 1. С. 134–142; Севастьянова А.А. Русская провинциальная историография второй половины XVIII века. М., 1998; Комарова И.И. Научно-историческая деятельность губернских и областных статистических комитетов // Археографический ежегодник за 1978 год. С. 85–96; Макарихин В.П. Губернские ученые архивные комиссии России. Н. Новгород, 1991; Писарькова Л.Ф. Губернские ученые архивные комиссии: организация, численность и условия деятельности // Археографический ежегодник за 1989 год. М., 1990. С. 187–198; Зубова Н.Л. Архивно-просветительские организации в России в конце XIX — начале XX в. // Вестник Московского университета. 1990. Сер. 8. История. № 2. С. 62–72.

(как и Н.Н. Родигина далее) подчеркивает разрозненность, весьма проблематичное единство усилий местных любителей старины и столичных историков, которые брали на себя функции обобщения и определения общей канвы для истолкования локального материала. Вообще регионализация отечественного исторического сознания — тема еще недостаточно изученная не только в связи с «федералистскими» устремлениями ряда историков начала эпохи Великих реформ⁵², но и в двойной перспективе неравномерного географического распределения университетского образования в России и будущего роста изучения и постижения местного края уже в первые десятилетия XX столетия (предмет исследования М.В. Лоскутовой⁵³).

Рассматривая взаимодействие профессиональной науки и общественно-го сознания 1860-х годов, важно учитывать «левославянофильские» труды историка М.О. Кояловича, связанного с западно-русскими (белорусскими) землями и противостоянием там «польскому элементу»⁵⁴. Коялович одним из первых сознательно и последовательно рассматривал развитие русской исторической науки как составную часть эволюции русского самосознания. Эту же идею, но с обратным идеологическим знаком (в русле либеральной трактовки эволюции «русского общества») проводил в «Главных течениях русской исторической мысли» в конце XIX века и Павел Милюков.

Наряду с публикацией обширного источникового материала важнейшую роль в развитии исторического сознания играли «толстые журналы» — литературно-публицистические ежемесячники и историческая периодика (предмет внимания **Н.Н. Родигиной**, особенно важный в плане отражения и представления региональной проблематики). С 1860-х годов появляется и специализированная историческая пресса (журналы «Русский архив»

⁵² Боярченко В.В. Историки-федералисты: Концепция местной истории в русской мысли 20–70-х годов XIX века. СПб., 2005; о последующей эволюции региональной историографии см.: Аленова В.А. Историческая наука в российской провинции в конце XIX — начале XX вв. Рязань, 2002.

⁵³ Лоскутова М.В. Академия наук и краеведческое движение первой четверти XX в. // Академия наук в истории культуры России в XVIII–XX вв. / Ж.И. Алфёров (отв. ред.). СПб., 2010. С. 645–677; Лоскутова М.В. Уездные ученые: самоорганизация научной общественности в российской провинции во второй половине XIX — первой трети XX в. // *Ab Imperio*. 2009. № 3. С. 119–169; Лоскутова М.В. Географическая мобильность профессоров и преподавателей российских университетов второй половины XIX в.: постановка проблемы и предварительные результаты исследования // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII — начала XX в. / А.Ю. Андреев (отв. сост.). М., 2009. С. 183–221; Loskutova M. A Motherland with a Radius of 300 Miles: Regional Identity in Russian Secondary and Post-Elementary Education from the Early Nineteenth Century to the War and Revolution // *European Review of History*. 2002. Vol. 9. No. 1. P. 7–22.

⁵⁴ Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010. С. 202–223.

П. Бартенева и «Русская старина» М. Семевского)⁵⁵. Уже в 1880-е годы круг исторических журналов и изданий пополняется не только за счет специализированной периодики (включая органы различных обществ и вплоть до общеведомственного «Журнала министерства народного просвещения»)⁵⁶, но и путем расширения идеологического репертуара журналов, посвященных прошлому, как в правой части политического спектра, так и в особенности — в левой⁵⁷.

Самым непосредственным способом государственной «обработки» исторического сознания стала деятельность цензурного ведомства⁵⁸, ко-

⁵⁵ Дмитриев С.С. Дореволюционные исторические журналы // История СССР периода капитализма / С.С. Дмитриев, В.А. Фёдоров, В.И. Бовыкин (ред.). М., 1961. С. 171–190; Дмитриев С.С. Именословие русских исторических журналов // Русская литература. 1967. № 1. С. 73–83; Дмитриев С.С. Источниковедение русской исторической журналистики // Источниковедение отечественной истории (1975). М., 1976. С. 272–306; Зайцев А.Д. Пётр Иванович Бартенев и журнал «Русский архивъ». М., 2001; Порох В.И. Офицер, историк, издатель: Все о М.И. Семевском. Саратов, 2000; Железнева Т.В. Задачи, структура и тематика журнала «Исторический вестник» (1880–1904) // Историографические и источниковедческие проблемы истории СССР. М., 1987. С. 51–58; Кельнер В.Е. От «Древней и новой России» к «Историческому вестнику» (С.Н. Шубинский и становление исторических научно-популярных изданий в России в 1870-е гг.) // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX в. Л., 1988. Вып. 3. С. 156–176; Костылёва Р.Д. Историк-популяризатор С.Н. Шубинский во главе «Исторического вестника». Уссурийск, 1989; Мохначёва М.П. С.Н. Шубинский и его сборник-журнал «Древняя и новая Россия» // Труды Историко-архивного института. Т. 33. М., 1996. С. 168–176; о последнем редакторе исторического вестника см.: Иванова Г.Г. Историк-публицист Б.Б. Глинский // Вопросы истории. 2008. № 4. С. 141–145.

⁵⁶ Русская историческая периодика 1861–1917 гг. Материалы к библиографии / С.Н. Ущиповский (сост.). СПб., 1992; Поникарова Н.М. Школьные учебники по русской истории в оценках Журнала министерства народного просвещения // Преподавание истории в школе. 2004. № 9. С. 26–31.

⁵⁷ См.: Шумейко М.Ф. Материалы архива В.Я. Богучарского по истории журнала «Былое» («Минувшие годы») // Археографический ежегодник за 1978 год. С. 276–284; Шумейко М.Ф. О выявлении и собирании документов революционного движения в России второй половины XIX — начала XX века (по материалам архива В.Я. Богучарского) // Археографический ежегодник за 1981 год. С. 178–187; Болотина А.В. В.Я. Богучарский по архивным материалам и в воспоминаниях современников // Страницы истории и историографии отечества. Вып. 3. Воронеж, 2001. С. 4–84; Лурье Ф.М. Хранители прошлого. Журнал «Былое»: История, редакторы, издатели. Л., 1990.

⁵⁸ Гринченко Н.А. История цензурных учреждений в России в первой половине XIX в. // Цензура в России. История и современность. Вып. 1. СПб., 2001. С. 15–46; Патрушева Н.Г. История цензурных учреждений в России во второй половине XIX — начале XX века // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX века. Вып. 10. СПб., 2000. С. 7–48; Добровольский Л.М. Библиографический обзор дореволюционной и советской литературы по истории русской цензуры // Труды БАН СССР и фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР. Т. V. М.; Л., 1961. С. 245–252; Патрушева Н.Г. Изучение истории цензуры второй половины XIX — начала XX века в 1960–1990-е гг.: Библиогр. обзор // НЛО. 1998. № 30. С. 425–438.

торая распространялась и на публикации по русской истории (наиболее громкими в этом смысле станут скандал с Осипом Бодянским и запрещение издания Флетчера в «Чтениях Общества истории и древностей российских»⁵⁹). Помимо общих регулирующих усилий этого ведомства, очерченных в статье *И.М. Чирсковой*, контроль распространялся и на академическую деятельность, в частности на специальные изыскания петербургской Археографической комиссии⁶⁰. Запрещая и изымая «нелегитимную» информацию о прошлом, цензура своеобразным путем тоже участвовала в процессе формирования исторических представлений и социальной памяти российского общества.

Даже после революции 1905 года и либерализации законодательства о печати власти пытались регулировать историческую память либо прямым вмешательством и попыткой судебного преследования радикальных критиков (как в случае издания «Русской истории» М.Н. Покровским)⁶¹, либо через формирование благоприятной для правительства идейной среды и деятельность особых информационных служб (во главе одного из таких подразделений стоял историк армии К.А. Военский (1860–1928)⁶²).

Развитие и усложнение российского исторического сознания второй половины XIX столетия было невозможно без задействования специализированных структур сохранения и воспроизводства памяти о прошлом — мы имеем в виду архивную отрасль, сферу археологических изысканий и консервации, а также выставочно-музейную деятельность. Эти последние области стали предметом содержательного очерка *А.В. Топычканова*, который проследил эволюцию разных моделей охраны памятников, указав на возрастание роли и значимости на протяжении XIX века материального «остатка» прошлого, включая его эстетическое содержание. В перспективе истории понятий особенно интересно обратить внимание на непривычно широкое для XX века употребление в предыдущем столетии слова «архео-

⁵⁹ Боярченков В.В. С.Г. Строганов, С.С. Уваров и «история Флетчера» 1848 г. // Российская история. 2009. № 5. С. 144–150.

⁶⁰ Хартанович М.Ф. Императорская Археографическая комиссия и сеть археографических учреждений в России XIX в. // Академия наук в истории культуры XVIII–XIX вв. СПб., 2010. С. 268–311.

⁶¹ «Дерзостное неуважение Верховной власти». Материалы судебного процесса по делу об уничтожении 5-й книги М.Н. Покровского «Русская история с древнейших времен», 1912–1913 гг. / публ. подгот. Ю.В. Варфоломеев, А.А. Чернобаев // Исторический архив. 2011. № 2. С. 165–182.

⁶² Летенков Э.В. К истории правительственных информационных центров в России (1906–1917 гг.) // Вестник Ленинградского университета. Серия: История, язык, литература. 1973. Вып. 4. № 20. С. 80–88.

логия». Богатый материал для сопоставительного анализа в плане истории специализированных отраслей исторической науки дают программы Археологического института (открытого в Санкт-Петербурге в 1878 году) и обширные материалы дискуссий на археологических съездах, где немалую роль играли споры об охране памятников в самом широком смысле, включая архивные, а не только материальные данные⁶³. Именно на II Археологическом съезде Н.В. Калачов впервые предложил программу централизации архивной отрасли. Плодом его усилий стал не только Археологический институт в Петербурге, но и появление сети специальных губернских архивных комиссий — после 1884 года⁶⁴. А на XI Археологическом съезде в Киеве в 1899 году по докладу Д.Я. Самоквасова развернулась дискуссия, очень важная в плане будущей организации архивного управления и профессиональной консолидации (в первую очередь вокруг Союза архивных деятелей и академика А.С. Лаппо-Данилевского)⁶⁵. Следующая глава этой истории начнется в 1918 году, когда в Петрограде при активном участии и немалой поддержке большинства ученых «старой школы» будет создан Централархив.

С середины XIX века историки стали заниматься не просто организацией экспедиций, обработкой результатов полевых изысканий, изучением коллекций или общим «попечением» над развитием музейной и особенно архивной областей; они взялись за выработку теоретических основ сбережения, отбора и публичного представления *ценных* свидетельств прошлого (в первую очередь в рамках общей модели музеефикации «подлинных» памятников). Рост просвещения, в том числе исторического, учреждение (после 1863 года) университетских кафедр по истории искусства, профессионализация церковной археологии, работа археологических институтов в Петербурге и Москве и особенно капитальные труды таких крупных ученых, как Никодим Павлович Кондаков (и его последователей), Николай Петрович Лихачёв, Дмитрий Власьевич Айналов и Егор Кузьмич Редин, —

⁶³ *Бржостовская Н.В.* Вопросы архивного дела на археологических съездах в России, 1869–1911 г. // Археографический ежегодник за 1971 год. М., 1972. С. 89–105; *Размустова Т.О.* Губернские ученые архивные комиссии и изучение памятников археологии в дореволюционной России // Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры. М., 1990. С. 89–104.

⁶⁴ *Шведова О.И.* Указатель «Трудов» губернских ученых архивных комиссий и отдельных их изданий // Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958. С. 377–433; *Макарихин В.П.* Губернские ученые архивные комиссии России. Н. Новгород, 1991.

⁶⁵ *Самоквасов Д.Я.* Проект архивной реформы и современное состояние окончательных архивов в России. М., 1902; *Хорхордина Т.И.* Российская наука об архивах: История. Теория. Люди. М., 2003.

все эти факторы существенно обогатили представления тогдашнего образованного общества о русском художественном наследии и повлияли на общий характер восприятия российского прошлого во второй половине XIX века⁶⁶. Эпоха любителей и энтузиастов, «палеографов» постепенно уходила в прошлое. Однако «академизация» не была и не могла быть окончательной; помимо этой экспертной прослойки в России тогда расширялась и укреплялась за счет формальных институций и неформальных отношений связанная с учеными среда профессионалов, работающих с наследием *практически*, — реставраторов, живописцев, архитекторов, критиков (особенно стоит отметить тут фигуру И.Э. Грабаря). Многие из них занимались не только прошлым, но даже в большей степени современными художественными практиками и течениями (например, адепты неорусского или византийского стилей, очеркисты и обозреватели, авторы популярных музейных путеводителей, тревелогов и т.д.).

Возвращаясь к политической ангажированности занятий минувшим, особенно важно подчеркнуть не только очевидные расхождения и полярность левой и правой историографических традиций дореволюционной России, но и некоторые важные структурные сходства⁶⁷. Представители как правой, так и левой общественности обращались к российской истории как к важному средству легитимации и утверждения своих базовых постулатов (включая юбилеи и различные торжества) — с характерным выбором фигур-протагонистов и антагонистов, Сусанина⁶⁸ или Пестеля, Чернышевского⁶⁹ или Суворова. Публикуемая в монографии статья **В. Каплан** особенно интересна тем, что обращается к пока недостаточно изученной — и, как показывает автор, внутренне противоречивой — консервативной

⁶⁶ *Вздорнов Г.И.* История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX век. М., 1986. Гл. 8. Академическая и университетская наука. С. 210–276.

⁶⁷ См. более общие рассуждения О.Б. Леонтьевой: *Леонтьева О.Б.* Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX — начала XX в. Самара, 2011 (она рассматривает весьма детально историческое «воображаемое» пореформенной эпохи — от представлений о старообрядчестве до образов Ивана Грозного и Петра Великого).

⁶⁸ *Киселёва Л.Н.* Становление русской национальной мифологии в николаевскую эпоху (сусанинский сюжет) // *Лотмановский сборник*. Вып. 2. М., 1997; *Живов В.М.* Сусанин и Пётр Великий. О константах и переменных в составе исторических персонажей // *Новое литературное обозрение*. 1999. № 38. С. 51–65; *Велижев М., Лавринович М.* «Сусанинский миф»: становление канона // Там же. 2003. № 63.

⁶⁹ *Вандалковская М.Г.* История изучения русского революционного движения середины XIX века. 1890–1917 гг. М., 1982; *Критский Ю.М.* Вопросы истории русской общественной мысли и революционного движения в России XVIII — начала XX века в журнале «Голос мивнувшего» в 1913–1923 гг. // *Исторические записки*. 1972. М., 1973. С. 78–106.

пропаганде массового исторического знания⁷⁰. Начало XX века оказалось временем роста интереса к «своему» прошлому в левых кругах и в среде широкой «интеллигентской» общественности — от умеренных до радикалов⁷¹. Тут не только стоит отметить труды профессиональных историков или, напротив, политиков либо публицистов, пишущих на исторические темы (достаточно указать на занятия историей русской общественной мысли Р.В. Иванова-Разумника и Г.В. Плеханова⁷²), но и обратить внимание на становление в 1900–1910-е годы специфического слоя неакадемических историков, часть которых в будущем образует костяк советской историографии (от Б. Сыромятникова и В. Пичеты до М. Покровского и В. Волгина)⁷³. При этом сознание многомиллионной крестьянской массы менялось довольно медленно и едва ли было в полном смысле слова «исторично» (хотя, на наш взгляд, не стоит представлять его базисную структуру в виде некоего по сути неподвижного инварианта)⁷⁴.

Завершающий раздел книги посвящен **историческому воображению** — теме, для нашей историографии все еще малоизведанной. Открывается раздел обширной статьей **Е.А. Вишленковой**, посвященной исторической живописи и «наглядным» представлениям о прошлом первой половины XIX века. Эта тема рассматривается в более широком контексте эволюции

⁷⁰ См. также: *Urban Vera. Geschichte als Argument?: Politische Kommunikation russischer Konservativer in der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts.* Berlin, 2009; *Urban V. «Geschichte» in der politischen Kommunikation konservativer Eliten im Zarenreich, 1860–1890 // Jenseits der Zarenmacht: Dimensionen des Politischen im Russischen Reich 1800–1917 // W. Sperling (Hg.). Frankfurt am Main, 2008. S. 100–123.*

⁷¹ *Будницкий О.В. История «Народной воли» в идейной борьбе первой российской революции // Революционеры и либералы в России. М., 1990. С. 271–292; Плеханов Г.В. Предисловие к книге А. Туна «История революционного движения в России» // Тун А. История революционного движения в России. Женева, 1903. С. III–XLVII.*

⁷² *Комиссарова Л.И., Ольховский Е.Р. У истоков марксистской исторической мысли в России. М., 1986. См. также: Пронина М.В. К вопросу создания Г.В. Плехановым книги «История русской общественной мысли» // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX в.: Сб. науч. тр. Вып. 9. СПб., 1998. С. 106–119.*

⁷³ Здесь важно не упустить из виду деятельность таких радикальных организаций, как Общество распространения технических знаний (его Учебного отдела), и энергичных вне-академических историков — издателей и редакторов, вроде В. Каллаша, Д. Рязанова и др.: *Луковский А.И. Как создавалась «Русская история с древнейших времен» М.Н. Покровского // Вопросы истории. 1968. № 8. С. 122–132; № 9. С. 130–142; *Rojahn J. Aus der Frühzeit der Marx-Engels-Forschung: Rjazanovs Studien in den Jahren 1907–1917 im Licht seiner Briefwechsel im IISG // MEGA-Studien. 1996. Bd. 1. S. 3–65.**

⁷⁴ См.: *Чагин Г.Н. История в памяти русских крестьян Среднего Урала в середине XIX — начале XX в. Пермь, 1999; Буганов А.В. Русская история в памяти крестьян XIX века и национальное самосознание. М., 1992; Буганов А.В. Личности и события истории в памяти русских крестьян XIX — начала XX века // Вопросы истории. 2005. № 12. С. 120–127.*

визуальной культуры Российской империи и канонов представления (изображения) национального начала в искусстве (в соотношении с классическими образцами).

Парадоксально, но такое благодатное поле перспективных исследований, как отражение русской истории в русской литературе в XIX — начале XX веков оказывается при ближайшем рассмотрении едва возделанным⁷⁵. Даже классические произведения, от «Марфы Посадницы» Карамзина и «Истории пугачевского бунта» Пушкина⁷⁶ до «Войны и мира» и драматической трилогии А.К. Толстого⁷⁷, не получили сколь-либо систематического общего освещения в филологической литературе и явно недостаточно изучаются историками. Публикуемая в монографии статья **Е.Н. Пенской** — одна из немногих попыток такого рода синтеза, который не может не быть выборочным. Стоит указать лишь на некоторые потенциальные сюжеты: важность регионального (и шире — национального) нарратива внутри общего исторического повествования в отечественной литературе (например, произведения Н.И. Костомарова и П.А. Кулиша), нередкое сочетание в авторском мировоззрении и стиле подходов ученого и беллетриста, формирование новых горизонтов исторического письма в рамках культуры Серебряного века, в первую очередь у Мережковского (с его изображением событий начала XIX века, например, спорил Кизеветтер)⁷⁸. Для адекватной

⁷⁵ Черепнин Л.В. Исторические взгляды классиков русской литературы. М., 1968; Формозов А. Историзм русской литературы (рец. на кн.: Л.В. Черепнин. Исторические взгляды классиков русской литературы. М., 1968) // Новый мир. 1969. № 4. С. 267–271; Серман И.З. Ключевский и русская литература // Canadian-American Slavic Studies. 1986. Vol. 20. No. 3–4. P. 417–436.

⁷⁶ Серман И.З. Пушкин и русская историческая драма 1830-х годов // Пушкин. Исследования и материалы. Т. IV. Л., 1969. С. 118–149; Серман И.З. Ключевский и русская литература; Блок Г. Пушкин в работе над историческими источниками. М.; Л., 1949; Эйдельман Н.Я. Пушкин. История и современность в художественном сознании поэта. М., 1984; Основат А. Исторический материал и исторические аллюзии в «Капитанской дочке»: статья первая // Тыняновский сборник. Вып. 10. Шестые-Седьмые-Восьмые Тыняновские чтения. М., 1998. С. 40–67.

⁷⁷ См. обширную статью академика Нестора Котляревского: Котляревский Н. Трилогия А.К. Толстого как национальная трагедия // Котляревский Н. Старинные портреты. СПб., 1907. С. 273–416.

⁷⁸ Юхименко Е.М. Старообрядческие источники романа Д.С. Мережковского «Пётр и Алексей» // De visu. 1994. № 3/4. С. 47–59; Берлин П. Александр I и декабристы в искажении Д. Мережковского // Новый журнал для всех. 1913. № 4. Стлб. 169–172; Садовский Б. Оклеветанные тени (О романе Д.С. Мережковского «Александр I») // Северные записки. 1913. № 1. С. 115–119; Корнилов А. Исторический роман Д. Мережковского «Александр I» // Современник. 1913. № 11. С. 184–200; Мельгунов С.П. Роман Мережковского «Александр I» // Голос минувшего. 1914. № 12. С. 39–80 (часть отзывов представлена также в недавнем сборнике: Д.С. Мережковский: Pro et contra. СПб., 2001).

реконструкции темы исторического воображения не обойтись без детального и исторически варьирующегося анализа фигуры реципиента, потребителя исторических текстов и формул самого разного жанра⁷⁹ — в спектре от «имперского» читателя или слушателя, зрителя до революционно ориентированного «сознательного» рабочего или интеллигента (тут явно прослеживается связь с тематикой статьи В. Парсамова, посвященной первым десятилетиям XIX века)⁸⁰.

В то же время на полюсе популярного исторического сознания (начиная, пожалуй, с юбилея тысячелетия России) постепенно кристаллизуются основные структуры и модусы идеологической мобилизации истории (рассмотренные в частности, в статье **К.Н. Цимбаева**, который на материале XIX века выделяет основные ритуальные и «консолидационные» черты юбилеев, при последовательно проводимой выключенности из торжеств «низших классов» общества). Как продолжение сюжета о юбилейной мобилизации можно читать статью **С.А. Еремеевой** о монументальных практиках коммеморации⁸¹. Она особенно подробно останавливается на «квазиобщественной» составляющей монументостроительства, связанной с почитанием в XIX веке — при самом ближайшем участии верховной власти — памяти великих писателей прошлого от Ломоносова до Пушкина⁸².

⁷⁹ Только мимоходом упомянем исследования Р. Тарускина и К. Эмерсон об истории в российском оперном искусстве (от Бородина до Чайковского и Мусоргского): *Taruskin R. The Present in the Past: Russian Opera and Russian Historiography, ca. 1870* // *Taruskin R. Musorgsky: Eight Essays and an Epilogue*. Princeton, 1993. P. 123–200; *Emerson C., Oldani R.W. Modest Musorgsky and Boris Godunov: Myths, Realities, Reconsiderations*. Cambridge, 1994.

⁸⁰ Об исторической драматургии см. цикл работ самарского филолога В.А. Бочкарёва (*Бочкарёв В.А. Русская историческая драматургия XVII–XVIII вв.* М., 1988 и др.); *Дотцауэр М.Ф.* К вопросу об исторических источниках драматической трилогии А.К. Толстого // Ученые записки Саратовского гос. пед. ин-та. Вып. 12. Саратов, 1948. С. 29–52; *Виролойнен М.Н.* Историческая драматургия 50–70-х годов // История русской драматургии. Вторая половина XIX — начало XX века. Л., 1987. С. 309–335; *Ростоцкий Б., Чушкин П.* «Царь Фёдор Иоаннович» на сцене МХАТа. М.; Л., 1940.

⁸¹ См. также: *Антощенко А.В.* Увековечивая в бронзе: правительственный замысел памятника «Тысячелетию России» и его воплощение // *Феномен прошлого / И.М. Савельева, А.В. Полетаев* (отв. ред.). М., 2005. С. 396–418.

⁸² Стоит в этой связи особенно подчеркнуть растущую «субъективацию», персонализацию отечественной культурной памяти и исторического сознания интеллигенции, особенно по мере роста богатства и сложности русской литературной культуры (что не отменяло, а порой парадоксально усиливало коллективистские инспирации); см.: *Гронас М.* Безымянное узнаваемое, или Канон под микроскопом // *Новое литературное обозрение*. 2001. № 51. С. 68–88 (о выражении «память сердца»); *Паперно И.* Интимность и история: семейная драма Герцена в сознании русской интеллигенции (1859–1990-е годы) // Там же. 2010. № 103. С. 41–66.

В известном смысле сама художественная пропаганда на материале прошлого, которая вполне сложится уже в ходе Первой мировой войны и будет обращена к максимально широким общественным слоям⁸³, закладывала основы ранней советской исторической культуры (в которой был так велик художественный, особенно авангардный, элемент). И в области профессиональной исторической науки уже в 1920-е годы стал задействоваться объяснительный потенциал и подходы, накопленные оппозиционной — народной, эсеровской и социал-демократической — историографией еще до революции⁸⁴. Вместе с историческим сознанием революционного плана (центрированным на «освободительном движении» и классовой борьбе) и леворадикальным историческим воображением⁸⁵, такая наука станет одним из оснований советской исторической культуры. Но там будут работать совсем иные модусы профессионализма в соотношении с массовым историческим просвещением и самосознанием (от книг Покровского и Каутского до «Краткого курса» истории ВКП(б) и сочинений Б.Д. Грекова и М.В. Нечкиной). Это уже будут механизмы выработки совсем другого — хотя также вполне нашего — прошлого, призванные либо вовсе перечеркнуть, либо в корне видоизменить очень схематично рассмотренную нами двухвековую традицию.

⁸³ См.: *Jahn H.F. Patriotic Culture in Russia during World War I.* Ithaca; L., 1995.

⁸⁴ Особую роль в формировании новой исторической культуры сыграло и либеральное крыло историографии и публицистики начала XX века (Г. Джаншиев, И. Иванюков, А. Корнилов и др.), разумеется, весьма далекое от взглядов социал-демократов или М. Покровского.

⁸⁵ *Corney F.C. Telling October: Memory and the Making of the Bolshevik Revolution.* Ithaca, 2004.

Раздел I
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ЗНАНИЕ

А.Б. Каменский

У ИСТОКОВ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ: Г.Ф. МИЛЛЕР

Примерно с середины XIX века, когда русскими историками были сделаны первые попытки осмыслить накопленный опыт в изучении отечественной истории, сложилось представление о возникновении исторической науки в России в начале XVIII века, т.е. тогда же, когда в ходе петровских преобразований наука вообще впервые появляется как самостоятельная сфера человеческой деятельности, и с основанием в 1725 году Петербургской академии наук приобретает институциональный характер. За своего рода точку отсчета была взята деятельность В.Н. Татищева, которого принято считать первым русским ученым-историком. Подобные представления об истории русской исторической науки преобладали и в советское время, хотя уже на его излете были сделаны попытки связать ее начало с именами живших во второй половине XVII века Андрея Лызлова, Игнатия Римского-Корсакова и др.¹ В наши дни, однако, многие исследователи, работающие в рамках науковедческих подходов, придерживаются точки зрения, согласно которой «становление истории как полноценной науки» в современном ее понимании не только в России, но и в мире в целом происходит не ранее середины — конца XIX столетия «одновременно с выделением общественных наук как самостоятельного типа знания, дифференцированного от естествознания». В это время утверждаются общественные науки «с собственными предметными областями» (психология, социология, антропология, политология, экономика) и одновременно происходит «возведение истории в ранг науки»². Одним из важнейших признаков появления истории как науки считается учреждение в университетах исторических факультетов и специальных кафедр, осуществляющих профессиональное образование историков. В связи с этим сегодня исследователи осторожно говорят о XVIII веке как о времени перехода «от накопления исторических знаний к научному

¹ См.: Чистякова Е.П., Богданов А.П. «Да будет потомкам явлено...»: Очерки о русских историках второй половины XVII века и их трудах. М., 1988; Богданов А.П. Летописец и историк конца XVII века: Очерки исторической мысли «переходного времени». М., 1994.

² Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. Т. 1. Конструирование прошлого. СПб., 2003. С. 292–295; Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом, или Знают ли американцы историю. М., 2008. С. 21.

освоению исторического материала», отличающемся «от предшествующего более научным подходом к истории»³.

Вполне очевидно, что за этими разногласиями стоит различное понимание существа науки и ее отличия от иных форм знаний о прошлом. Столь же очевидно и то, что становление исторической науки — это длительный процесс, связанный с формированием научных представлений о прошлом и выработкой научных методов его изучения. Создание исторического факультета университета, несомненно, знаменует собой важнейший этап этого процесса, однако очевидно, что его невозможно открыть, если там некому преподавать, но что еще важнее, к моменту его открытия должно сложиться понимание того, *что* преподавать, т.е. что такое профессиональное образование историка. Сама идея создания исторического факультета не может возникнуть без представления об истории как самостоятельной науке, о ее объекте и предмете, ее методе, без сложившихся исследовательских практик⁴. Представляется, что окончательное разделение истории и естествознания, а также выделение иных социальных наук можно рассматривать как завершающий этап процесса превращения истории в полноценную науку, истоки которого применительно к России все же вполне оправданно искать в середине XVIII века.

Те исследователи, кто связывал зарождение русской исторической науки с деятельностью Татищева и других его современников, совершенно справедливо отмечали, что именно этим писателям принадлежат первые авторские труды по русской истории, имеющие признаки научной работы, поскольку в отличие от предшествующей летописной традиции эти труды были основаны на изучении и сравнительном критическом анализе различных исторических источников. С этой точки зрения, достаточно очевиден и вклад в начало научного изучения русской истории Герарда Фридриха Миллера (1705–1783). Ему не только принадлежат первые в историографии труды по целому ряду проблем отечественной истории, давшим точку отсчета нескольким важнейшим, продолжающим существовать и поныне научным направлениям. Весьма значительной была его роль и в расширении

³ Дворниченко А.Ю. О периодизации и содержании курса русской историографии // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История. 2005. Вып. 4. С. 32. Выражение «более научный подход» вряд ли можно признать удачным: подход может быть либо научным, либо ненаучным.

⁴ Характерный пример интерпретации истории исторической науки. Автор диссертации по истории судебной реформы начала XVIII века отмечает: «Историография поставленного вопроса ведет свое начало с середины XIX столетия — времени, когда российская историческая наука получила свои кафедры в главных университетах Российской империи. Если первая половина века оказалась периодом складывания исторической науки, когда начал формироваться общий взгляд на историю России, то его вторая половина дала возможность подойти к вопросам государственного устройства...» (Бородина Е.В. Проведение судебной реформы в 20-х гг. XVIII в. на Урале и в Западной Сибири: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2008. С. 9).

источниковой базы исторических исследований за счет привлечения делопроизводственных и актовых документов, а также источников иностранного происхождения. Собственно, именно Миллер был первым исследователем, кто, обратившись с научными целями к архивным документам, занялся их систематическим изучением. Само слово «источник» в современном значении было впервые употреблено именно в его трудах⁵. Хорошо известна и роль ученого, ратовавшего за создание исторического департамента Академии наук и первым получившего звание российского историографа, в институциональном становлении исторической науки в России, а также в распространении знаний по русской истории как внутри страны, так и за рубежом⁶.

Однако наука не сводится лишь к содержательной части знания и даже к научно обоснованным методам. Наука — это еще и определенные, принятые научным сообществом практики, формы представления и распространения результатов исследования, их апробации и оценки в соответствии с определенными критериями — формальными либо неформальными, но также принятыми коллегами по цеху. Именно с этой точки зрения в данной статье и предлагается взглянуть на деятельность Миллера и его вклад в становление российской исторической науки. Но прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению этой темы, необходимо сделать несколько предварительных замечаний.

Как известно, Миллер — одна из самых спорных фигур отечественной историографии. Оценки его исторических трудов были чрезвычайно полярными не только в советское время, когда он стал одной из жертв борьбы с космополитизмом конца 1940-х годов, но и до революции, когда на эти квалификации еще не влияли идеологические мотивы. Если К.Н. Бестужев-Рюмин называл Миллера «отцом русской истории»⁷, то в работах С.М. Соловьёва, П.Н. Милюкова и др. историк предстает своего рода ремесленником, «чернорабочим» от истории (выражение Милюкова), не способным подняться до вершин аналитических обобщений⁸. По-видимому, дело в том, что, будучи единственным историком того времени, кто не только не создал, но даже не пытался создать крупный обобща-

⁵ См.: *Илизаров С.С.* О формировании термина «исторический источник» в русской научной литературе XVIII в. // *Источниковедение отечественной истории.* 1984. М., 1986. С. 201–202.

⁶ См. подробнее: *Каменский А.Б.* Судьба и труды историографа Герарда Фридриха Миллера (1705–1783) // *Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России: Избранное.* М., 1996. С. 374–415.

⁷ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Русская история. СПб., 1872. Т. 1. С. 210.

⁸ *Соловьёв С.М.* Герард Фридрих Мюллер (Фёдор Иванович Миллер) // *Современник.* 1854. Т. 47. № 10. Р. 115–150; *Милюков П.Н.* Главные течения русской исторической мысли. СПб., 1913.

ющий труд по истории России, подобный сочинениям Татищева и Щербатова, и, таким образом, как кажется, не имевший собственной целостной концепции русской истории, Миллер очевидно проигрывает на фоне своих современников. За исключением многотомной «Истории Сибири», он вроде бы не оставил капитальных исследований, а основным видом его научной продукции были тематические статьи, в лучшем случае небольшие монографии, посвященные отдельным историческим сюжетам. Нужно заметить, что отчасти подобное представление связано с тем, что труды Миллера недостаточно хорошо известны. Правда, как автор многочисленных разножанровых сочинений, он оказывается гораздо ближе к современным историкам со свойственной им специализацией, чем те же Татищев или Щербатов. Но если в наше время историки посвящают свои исследования, как правило, какому-то определенному периоду русской истории, а чаще даже конкретной тематике в рамках этих периодов (работая при этом в одном из направлений исторической науки), то специальностью Миллера была все же история России как таковая. Это естественно, поскольку сам объем накопленных исторических знаний был тогда минимален, а проблемное поле русской истории не разработано. К тому же само историческое знание в то время носило целостный характер, и еще не произошло деления на социальную, политическую, экономическую историю и т.д.

От современников Миллера отличало и еще одно обстоятельство: после смерти в 1738 году Г.З. Байера он был единственным в России XVIII века, для кого занятия историей были не увлечением, а работой, за которую ему платили жалованье. В этом смысле, хотя Миллер не получил, да и не мог получить непосредственно исторического образования, о нем можно говорить, как о первом русском профессиональном историке. При этом изначально историк оказался в уникальной и идеальной для исследователя ситуации: у него не было практически никакого предварительного знания о предмете исследования. Почти не существовало и историографии, которую следовало бы изучить, и на которую можно было бы опереться. Но зато был необъятный массив неизученных источников, и требовалось лишь время для того, чтобы приобрести опыт и выработать приемы работы с ними.

Только с учетом этого можно правильно оценить и наиболее резкие из высказанных в дореволюционное время суждения о Миллере-историке, принадлежащие Н.Н. Оглоблину, который обвинил Миллера в небрежном копировании документов во время путешествия по Сибири и таким образом поставил под сомнение его источниковедческие достижения⁹. Эта критика не учитывала как раз то, что никакого опыта подобного рода ра-

⁹ Оглоблин Н.Н. Герард Миллер и его отношение к первоисточникам // Библиограф. 1889. № 1. С. 1–11; Оглоблин Н.Н. К вопросу об историографе Миллере // Библиограф. 1889. № 8–9. С. 161–166.

боты у Миллера, как, впрочем, и ни у кого другого в России того времени еще не было, как не существовало еще никаких археографических правил и приемов. Их только предстояло выработать в ходе практической деятельности. Миллер к тому же, приступая к этой деятельности, еще не владел русским языком, и документы для него первоначально копировали служащие местных сибирских учреждений. Как справедливо писал о Миллере П.Н. Миллюков,

оцувившись перед необозримыми горами сырья, разработка которых требовала больше усидчивости и терпения, чем критического чутья и искусных методических приемов, он не отвернулся от него, сумел оценить огромное значение этого материала для исторической науки и, отложив в сторону ученую безразличность, усердно принялся за его изучение¹⁰.

По словам С.В. Бахрушина,

в 1733 году из Петербурга выезжал еще новичок, приступавший лишь к работе над историческими источниками. Через десять лет Миллер вернулся уже выдающимся специалистом не только в области истории, но и географии и этнографии... Десять лет Камчатской экспедиции создали Миллера как ученого европейского масштаба¹¹.

Второе обстоятельство, которое необходимо принять во внимание, рассматривая вклад Миллера в становление русской исторической науки, связано с общими тенденциями развития исторического знания рассматриваемого времени. Начиная с эпохи Возрождения трудами ряда французских, немецких, итальянских и др. авторов была постепенно разрушена целостность образа европейской истории и выражены претензии отдельных европейских народов на первенство, обосновывавшееся их древностью. Тем самым определялось и место этих народов в Истории, сами они признавались *историческими*, а историческое знание становилось средством легитимации политических претензий, а также формирующейся идеи нации и национальной идентичности¹². В России начала XVIII века соответствующих текстов еще не существовало, а сама потребность в них возникла и была осознана в ходе петровских реформ, изменивших статус страны и ее место в мире, а главное — сформировавших представление о государстве как самостоятельном субъекте, отделенном от государя и, по словам самого Петра, «врученном» ему для управления. Но одновременно с этим в XVIII веке завершается отделение гражданской истории от церковной,

¹⁰ Миллюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. С. 67.

¹¹ Бахрушин С.В. Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М.; Л., 1937. С. 17.

¹² См.: Национальная идея в Западной Европе в Новое время: Очерки истории / В.С. Бондарчук (отв. ред.). М., 2005.

и важнейшей приметой исторического знания в Европе становятся рационализм и стремление к объективности. Появляются сочинения, «свидетельствующие об упрочении аналитического подхода к истории», причем «сама идея просвещения с неизбежностью усиливала прагматический компонент исторического знания»¹³.

Возникшая в ходе петровских реформ Российская империя, созданная на основе идеи рационального регулярного устройства, нуждалась, как уже сказано, в легитимации, в том числе средствами истории. Опоры в виде исторических знаний требовал также начавшийся заново, на новой основе, процесс формирования национальной идентичности — но знаний уже иного, чем прежде, секулярного и верифицируемого характера. По мере формирования на протяжении столетия национального самосознания интерес к прошлому все более усиливался, а на смену свойственной соратникам Петра гордости за «Россию молодую» приходила характерная для эпохи Екатерины Великой гордость за многовековую историю страны. Причем это было не просто обретение заново собственной истории, утерянной в ходе радикальной трансформации. Это было содержательно новое знание, в фокусе которого была уже не история отдельных родов, необходимая для местнических счетов, и даже не история только правящей династии, но собственно история страны, хотя и ориентированная преимущественно на историю русской государственности. Наконец, в отличие от летописной традиции предшествующих веков, стимулом к познанию прошлого становилось не стремление зафиксировать события земной жизни для отчета на Божьем суде¹⁴, а сочетание осознания утилитарного значения истории для политических и воспитательных целей с характерной для эпохи Просвещения жадной жаждой знания как такового. Иначе говоря, формирующаяся заново версия прошлого России, так же как в Европе в целом, должна была иметь гражданский, секулярный характер, что полностью соответствовало и духу петровских преобразований.

Миллер вполне разделял характерные для его времени взгляды на значение исторического знания и уже в своем проекте Исторического департамента Академии наук в 1746 году писал:

Каждому человеку... в истории необходимая нужда есть; она обыкновенно называется зеркалом человеческих действий, по которому о всех приключениях нынешних и будущих времен, смотря на прошедшие, рассуждать можно¹⁵.

¹³ Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: Теория и история. Т. 2: Образы прошлого. СПб., 2006. С. 535.

¹⁴ См. об этом: Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. С. 40–41; Данилевский И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004.

¹⁵ Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России: Избранное. С. 355.

За годы жизни в России Миллер, несомненно, как свидетельствовал А.Л. Шлёцер¹⁶, стал патриотом своей второй родины, а приобретенный здесь опыт научил его тому, что «историческая правда» может быть политически опасной и потому сообщать публике нужно не все, что знаешь. Однако в том, что касалось научных исторических изысканий, Миллер стоял на очевидно объективистских позициях, утверждая, что историк

должен казаться без отечества, без веры, без государя... все, что историк говорит, должно быть строго истинно, и никогда не должен он давать повод к возбуждению к себе подозрения в лести¹⁷.

Собственно, тут и крылось основное расхождение между Миллером и Ломоносовым. Как верно заметил А.С. Мыльников, в дискуссии Ломоносова с Миллером 1749–1750 годов

столкнулись два методологических подхода — один, представленный Миллером, восходящий к рационалистической критике раннего немецкого Просвещения, и другой, представленный Ломоносовым, сочетающий просветительские представления с элементами поэтики русского барокко, сцементированные идеями национального патриотизма¹⁸.

Настаивавший на различении исторического исследования и «панегрической речи» и считавший, что негативные примеры из прошлого имеют не меньшее воспитательное значение, чем положительные, Миллер, вместе с тем, в отличие от своего оппонента, очевидно не ставил перед собой цель создания национального исторического дискурса, рассматривая свою задачу не как политическую или патриотическую, но как сугубо научную, исследовательскую, связанную с производством нового знания.

С этой позицией Миллера, думается, связан и его отказ от попыток написать историю России, подобную «Истории» Татищева, и таким образом предложить собственную концепцию русской истории в целом. Знакомый

¹⁶ Шлёцер А.Л. *Общественная и частная жизнь*. СПб., 1875. С. 25–26.

¹⁷ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 10. М.; Л. 1957. С. 148–149.; Пекарский П.П. *История императорской Академии наук в Петербурге*. Т. I. СПб., 1870. С. 381. Ср. с замечанием Щербатова, на взгляды которого Миллер оказал значительное влияние: «Не состоит должность историка самому повествование писателей, из которых выбирает деяния историческая, переменить. Может он учинить некоторыя размышления по случаям обстоятельств бывших дел, но никогда до самых дел для того, что они благопристойнее и сходственнее были бы с обстоятельствами, касаться не может, ибо сие было бы писать роман, а не историю» (Письмо кн. Щербатова, сочинителя Российской Истории, к одному приятелю с оправданием на некоторыя сокрытыя и явныя охуления, учиненныя его Истории от г-на генерал-майора Болтина, творца примечаний на Историю древния и нынешния России г-на Леклерка. М., 1789. С. 29–30).

¹⁸ Мыльников А.С. *Славянская тема в трудах Татищева и Ломоносова: опыт сравнительной характеристики // Ломоносов: Сборник статей и материалов*. Т. IX. СПб., 1991. С. 35.

с «Историей Российской» Татищева по рукописям, хранившимся в Академии наук, и позднее осуществивший первое ее издание, Миллер сознавал, что для того, чтобы подняться на новый уровень обобщения и осмысления прошлого, необходимо было прежде определить, чем и как следует заниматься, освоить иные виды источников, разработать методiku их поиска, изучения, публикации и интерпретации. Необходимо было определить круг вопросов, поиск ответов на которые следовало вести в первую очередь и без разрешения которых любой сводный труд по русской истории стал бы лишь новой компиляцией уже известных сведений и подражанием Татищеву. Собственно, подобного рода работ, практически ничего не внесших в развитие исторической мысли, в середине — второй половине XVIII века появилось немало. Миллер же еще в 1732 году, имея минимальный опыт занятий историей, писал, что

история Российского государства и принадлежащих к нему стран представляет столько трудностей, что написать о ней систематическое сочинение едва ли можно надеяться в двадцать и даже более лет¹⁹.

Еще одно обстоятельство, на которое следует обратить внимание, это, конечно же, то, как Миллер был подготовлен к занятиям русской историей. Закончив гимназию в родном Герфорде, будущий историк России поступил в университет Ринтельна, а затем продолжил образование в университете Лейпцига, где в 1725 году получил степень бакалавра. Здесь он учился у Иоганна Бурхарда Менке, который в свою очередь был сыном Отто Менке — основателя и издателя первого германского научного журнала — «Acta eruditorum». После смерти отца Менке-сын продолжил его дело, а с 1715 года он также издавал на немецком языке «Новые ученые ведомости» («Neue Zeitungen von Gelehrten Sachen»). Менке имел звание саксонского историографа и являлся автором сочинения «Писатели германской истории, особенно саксонской» («Scriptores rerum Germanicarum, praecipue Saxonicarum»), впрочем, вышедшего в свет уже спустя несколько лет после отъезда Миллера в Россию. Помимо этого Менке писал стихи и был основателем местного поэтического общества (Deutschübende poetische Gesellschaft), но более всего он прославился в качестве автора серии лекций «De Charlataneria Eruditorum», явившихся первыми в раннем немецком Просвещении сатирическими сочинениями, направленными на борьбу с лжеучеными²⁰. Менке был также обладателем обширной библиотеки, которой Миллер имел возможность пользоваться.

¹⁹ Цит. по: Белковец Л.П. Россия в немецкой исторической журналистике XVIII в.: Г.Ф. Миллер и А.Ф. Бюшинг. Томск, 1988. С. 65.

²⁰ См.: Gombosz I. De Charlataneria eruditorum: Johann Burkhard Mencke as a forerunner of the enlightened satire // Daphnis. Zeitschrift für Mittlere Deutsche Literatur. 1999. Vol. 28. No. 1. S. 187–200.

По мнению новейшего биографа Миллера С.С. Илизарова, в студенческие годы на будущего историка России могли оказать влияние еще два человека — Иоганн Кристоф Готтшед и Даниэль Георг Морхоф²¹. Первый из них, впоследствии прославившийся как писатель, критик, теоретик литературы и издатель журналов, появился в Лейпциге в том же, что и Миллер, 1724 году в качестве домашнего учителя детей Менке (и тогда же защитил диссертацию). С Готтшедом Миллер, несомненно, был знаком и позднее состоял в переписке²². О влиянии на него Морхофа — немецкого писателя и ученого XVII века, автора сочинения «Полигистор» («Polyhistor, sive de auctorum notitia et rerum commentarii») — своего рода энциклопедии знаний и учености того времени, упоминал сам Миллер²³.

Канадский биограф Миллера Джером Блэк называет еще одно имя — ученика Лейбница Иоганна Якоба Маскофа, автора 10-томного сочинения «Geschichte der Teutschen bis zu Anfang der frankischen Monarchie». Блэк особо подчеркивает, что Маскоф

использовал критические методы для определения достоверности источников, цитировал их в точности, как в оригинале и, хотя относился к ним с уважением, как к реликтам минувших веков, опроверг многие распространенные легенды²⁴.

Следует заметить, что Лейпцигский университет был одним из лучших и наиболее известных университетов Германии того времени, однако чему именно учился там Миллер и, в частности, чему он учился у Менке, не вполне ясно. Очевидно, что учился он на философском факультете, который, по словам автора статьи «Университет» в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, в то время «давал энциклопедическое образование»²⁵. В этой связи вряд ли прав был П.Н. Милюков, указывавший на отсутствие у Миллера «строгой школы и серьезной ученой подготовки» и доверчиво повторявший слова А.Л. Шлёттера о том, что за годы жизни в России Миллер забыл все, что когда-то знал²⁶. Состав библиотеки Миллера, храня-

²¹ Илизаров С.С. Герард Фридрих Миллер (1705–1783). М., 2005. С. 19–20.

²² Митрополит Евгений Болховитинов полагал, что Миллер «наиболее обучался» именно у Готтшеда, однако это утверждение представляется сомнительным (*Евгений [Болховитинов]*. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. Составлен митрополитом Евгением. М., 1845. Т. II. С. 55).

²³ «С моей юности и до моего возвращения из поездки в Англию, Голландию и Германию я был под влиянием полигистории самое большее морховского типа: ученой истории, познаний, которые добываются в библиотеке» (*Миллер Г.Ф.* История Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге // Миллер Г.Ф. Избранные труды. М., 2006. С. 644).

²⁴ Black J.L. G.-F. Müller and the Imperial Russian Academy. Kingston; Montreal, 1986. P. 5.

²⁵ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 68. СПб., 1902. С. 771.

²⁶ Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. С. 67.

щейся ныне в Российском государственном архиве древних актов, его обширная переписка и многолетнее сотрудничество с немецкими издателями И.К. Готтшедом и А.Ф. Бюшингом свидетельствуют о том, что он был в курсе всего, что происходило в европейской науке.

Во многих российских биографиях историка упоминается, что Миллер слушал курс Менке по журналистике, но происхождение этих сведений не вполне понятно. Так, сам Миллер не упоминает об этом ни в своей автобиографии²⁷, ни в также содержащей много автобиографических данных «Истории Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге»²⁸. Не упоминается об этом и в наиболее полной дореволюционной биографии ученого, составленной П.П. Пекарским²⁹. С.С. Илизаров в своей биографии Миллера, напротив, пишет о лекционном курсе по журналистике, а затем уточняет: «Миллер прослушал первый в Германии курс *истории журналистики* (курсив мой. — А.К.)», не сообщая, однако, ничего об источнике этих сведений³⁰.

Не исключено, что подобная версия возникла под влиянием того, что известно о журналистской деятельности Менке, а также самого Миллера, внесшего существенный вклад в развитие русской журналистики. В 1728 году он основал первый русский журнал «Примечания к Ведомостям», а несколько позднее и первый исторический журнал — «Sammlung Russischer Geschichte»³¹. С 1755 по 1764 год под редакцией Миллера выходило одно из лучших русских периодических изданий XVIII века — журнал Академии наук «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», ставший образцом для ряда новых журналов и явившийся, по сути, первым русским «толстым журналом».

Следует заметить, что основание Миллером первого русского журнала (его полное название было «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях») произошло спустя лишь несколько десятилетий после возникновения научной журналистики в Западной Европе. Между тем, появление первых научных журналов, в свою очередь, породило новый научный жанр — журнальную статью исследовательского характера. Научные жанры, т.е. формы представления результатов научных

²⁷ См.: Миллер Г.Ф. Описание моих служб // Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 145–155.

²⁸ См.: Миллер Г.Ф. История Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге. С. 481–647.

²⁹ См.: Пекарский П.П. История императорской Академии наук в Петербурге. Т. 1.

³⁰ Илизаров С.С. Герард Фридрих Миллер. С. 17, 22.

³¹ Относительно определения данного издания как исторического журнала среди исследователей, впрочем, нет единства. См.: Мохначёва М.П. Журналистика в контексте наукотворчества в России XVIII–XIX вв. Кн. 1. М., 1998. С. 255–257.

изысканий, складывались постепенно с эпохи Возрождения, и к XVII веку наиболее распространенными были трактат, диалоги и письмо. Немецкий историк науки Леонард Ольшки в связи с этим отмечал:

Когда в 1665 году появились «Journal des Savants» в Париже и «Philosophical Transactions» в Лондоне и за ними последовали в 1682 году лейпцигские «Acta eruditorum», а в Италии после ряда попыток, начавшихся еще в 1668 году, был основан «Giornale de'Litterati» (1710), ученым был навсегда обеспечен обмен мнений. Статья, доступная всем заинтересованным лицам, заняла место письма и приняла более объективную, менее личную форму, при сохранении некоторых особенностей, характерных для обеих литературных форм. Письму и статье в научной литературе присущ характер «essay». Всего лучше видно это родство в сборниках писем публицистического характера во всемирной литературе, как например, в «Provinciale» Блеза Паскаля и в персидских письмах Монтескье. Уже в эпоху Просвещения их место заняла передовая статья, или, со времени «Nouvelles de la Republique des lettres» Бейля (1684), критическая журнальная статья³².

В наше время научная статья определяется как «сочинение небольшого размера, в котором автор излагает результаты собственного исследования конкретной темы или ее части»³³. В России первые статьи научного характера на русском языке были опубликованы в «Примечаниях к Ведомостям». В основном это были сочинения профессоров Академии наук по математике, астрономии, химии, естествознанию, истории, палеонтологии и т.д.³⁴ В целом «Примечания к Ведомостям» были научно-популярным, просветительским журналом. Публикуемые в нем статьи являлись преимущественно комментариями к информации о тех или иных событиях, в основном зарубежных, о которых сообщалось в «Санкт-Петербургских ведомостях». Так, к примеру, если газета извещала о кончине какого-нибудь европейского вельможи или политического деятеля, то в журнале нередко появлялась статья с его жизнеописанием, а иногда и с подробной историей всей его семьи. Помимо этого в «Примечаниях» печатались исторические очерки о крупных европейских городах, переводы из имевших тогда общеевропейскую известность английских журналов, а также естественно-научные и философские трактаты просветительского характера, как, например, «О льде», «О зрительных трубах», «Как во Франции фарфоровая посуда делается», «О сыскании Америки», «О щастии», «О пользе философии в юриспруденции» и т.д. При этом наряду с обширными публикациями по

³² Ольшки Л. История научной литературы на новых языках. Т. 2. М.; Л., 1934. С. 198.

³³ Балыхина Т.М., Лысякова М.В., Рыбаков М.А. Курс русского языка и культура речи для учащихся вузов. URL: <http://langrus.ru/index.php?option=content&task=view&id=41> (дата обращения 21.11.2008 г.)

³⁴ См.: Берков П.Н. История русской журналистики XVIII века. М.; Л., 1952. С. 64–72.

истории английского парламента и оперного искусства попадались и такие, как «О найденной во Франции дикой девице».

Среди появившихся в журнале статей исторического характера — написанное Миллером редакционное предисловие к «Примечаниям» 1729 года, в котором он приводит краткие сведения по истории европейской журналистики. По мнению С.С. Илизарова, это был «первый в своем роде исторический очерк на русском языке», который «был сочинен в 1728 году, то есть на заре формирования русского научного языка»³⁵. Однако очевидно, что изначально предисловие было написано Миллером по-немецки, а затем переведено на русский язык, поскольку сам историк им в это время еще не владел. Во-вторых, по жанру это не научная статья, а именно предисловие, да к тому же достаточно краткое, занимающее в современной публикации лишь две страницы, из которых только одна посвящена непосредственно истории журналистики³⁶. И самое главное: это сочинение Миллера не носило исследовательского характера.

Другим, уже сугубо научным изданием, были начавшие выходить в том же 1728 году на латинском языке «*Commentarii Academiae Scientiarum Petropolitanae*», где печатались труды петербургских академиков, обозначавшиеся как «диссертации» и «мемуары». Первый том этого издания был сразу же переведен на русский язык и вышел под названием «Краткое описание Комментариев». В него вошли и три сочинения Г.З. Байера по древней истории. С точки зрения формирования русского научного языка это издание имело не меньшее значение, чем «Примечания». Впоследствии, однако, «*Commentarii*» на русский язык уже не переводились и печатались только на латыни (до 1751 года). При этом по своей сути это был не журнал, а, согласно современной терминологии, скорее продолжающееся издание, ежегодник, являвшийся своего рода отчетом Академии наук о своей работе³⁷.

Что же касается исторических публикаций в «Примечаниях», то они носили повествовательный характер и больше напоминали рассказ, чем статью в современном понимании этого слова, т.е. находились преимущественно в русле «риторической» традиции³⁸. Типично в этом отношении,

³⁵ Илизаров С.С. Герард Фридрих Миллер. С. 23.

³⁶ Миллер Г.Ф. Благоклонный читателю // Миллер Г.Ф. Избранные труды. С. 711–712.

³⁷ См.: Берков П.Н. История русской журналистики XVIII века. С. 72–76.

³⁸ См.: Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: Теория и история. Т. 1. С. 55–56. О том, что эта традиция в России XVIII века была достаточно заметной, свидетельствует использование слова «история» в названиях целого ряда изданий этого времени, как, например, «История о разорении...», «История о славном рыцаре...», «История о невинном заточении...», «История о княжне...», «История, или описание жизни...», «История зверей, содержащая изображение их свойств» и т.д. (См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. М., 1962. Т. 1. С. 409–414).

например, начало сочинения «О самоедах», появившегося на страницах «Примечаний» в апреле 1732 года: «Самоеды есть такой народ, который живет, как известно, по обеим сторонам реки Оби...». Весьма заметные элементы подобной же подачи исторического материала можно обнаружить и у Г.З. Байера. Так, его небольшое сочинение «Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова», переведенное на русский язык И.К. Таубертом и вышедшее отдельным изданием в 1738 году, начиналось следующими словами:

Танаис, или Дон, находился у древних в числе знатнейших рек, отчасти для тогдашнего соседства с скифами, которых храбрость почти выше меры прославлена была, а отчасти от того, что за недовольным исследованием лежащих к северу и к югу земель, оную реку за крайнейшую к северу в знаемой части света почитать надлежало.

Далее автор в хронологической последовательности приводил все обнаруженные им в печатных источниках сведения об Азове и заканчивал тем, что «Азов, по силе вышепомянутого мирного заключения, возвращен был опять туркам». Книга Байера содержала некоторые формальные элементы научного труда, как, например, подстрочные ссылки на используемую литературу, однако автор никак не обозначал, почему он решил написать об истории Азова и какой она имеет научный или познавательный интерес. О его методе работы с историческими источниками свидетельствуют такие строки:

...Вице-адмирал российского флота Корнелий Крейц, которой по Дону часто ездил и объявленные мнения древних писателей довольно рассмотрел, может перед всеми за наивернейшаго свидетеля почтен быть³⁹.

Как известно, именно Байер посоветовал молодому Миллеру заняться русской историей. Первые строки миллеровской «Истории Сибири» внешне напоминают приведенное выше начало сочинения Байера: «Сибирь стала известна России, не говоря уже о других европейских странах, не более 200 лет назад»⁴⁰. Однако этим словам было предпослано большое авторское предисловие, в котором после довольно подробного обзора источников по истории Сибири Миллер достаточно ясно и однозначно отмежевался от «риторической» традиции «древних историков».

Их сочинение, — писал он, — приятно, потому что они приключения ведут одним порядком, не упоминая о свидетельствах, по которым они сочинение свое составляли. Но мое расположение есть полезнее, потому что я стараюсь предлагаемое мною утверждать везде доводами и рассуждаю об известиях

³⁹ Байер Г.З. Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова. СПб., 1738. С. 4, 7.

⁴⁰ Миллер Г.Ф. История Сибири. С. 169.

и о сочинителях оных по правилам вероятности и якобы с читателем совокупно, которой здесь также рассуждать может и тому, что я пишу, просто верить не обязан⁴¹.

По существу, это была новая для России (первый том «Истории Сибири» на русском языке появился в 1750 году) форма подачи исторического материала, а также декларация исследовательского метода, основанного на критическом анализе источников и последовательно продемонстрированного Миллером в его обширном труде. Так, к примеру, из 84 параграфов, на которые была разбита первая глава «Истории Сибири», по меньшей мере половина была посвящена не изложению каких-либо исторических фактов (согласно терминологии самого Миллера, «известий»), но разбору разного рода «свидетельств», значительная часть которых была историком отвергнута как недостоверные.

Возвращаясь к вопросу о становлении в России жанра научной статьи, можно утверждать, что своего рода вехой в этом процессе стала статья Миллера «О первом летописателе Российском преподобном Несторе, о его летописи и о продолжателях оных», опубликованная в первом томе «Ежемесячных сочинений» 1755 года. Стоит при этом отметить, что данная статья — едва ли не единственная из его многочисленных трудов, напечатанных в «Ежемесячных сочинениях», которая до этого не была издана по-немецки в «Sammlung Russischer Geschichte», но появилась сперва на русском языке и лишь позднее была опубликована в журнале И.К. Готтшеда в Лейпциге⁴². Скорее всего, и она первоначально была написана по-немецки, однако ко времени ее выхода в свет Миллер уже в совершенстве владел русским языком и, как свидетельствуют документы, тщательно выверял переводы своих сочинений, нередко дополняя и исправляя их по сравнению с немецким оригиналом.

Статья Миллера о русском летописании невелика по объему и в современном издании занимает лишь десять страниц печатного текста среднего книжного формата⁴³. Сразу же обращает на себя внимание то обстоятельство, что эту свою работу сам Миллер определяет как «исследование». Как видно из приведенной выше цитаты Байера, это слово было известно и его переводчику Тауберту, но у Байера под ним подразумевается не научное сочинение, а эмпирическое изучение определенного материального объекта, в данном случае, определенной местности. В «Словаре Академии Российской», который начал выходить в 1789 году, слова «исследование» нет вовсе. Современный «Словарь русского языка XVIII века» приводит лишь два

⁴¹ Там же. С. 164.

⁴² Белковец Л.П. Россия в немецкой исторической журналистике XVIII в. С. 95.

⁴³ Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России. С. 5–14.

примера его использования в значении «научное сочинение»: в названии книги, переведенной на русский язык А.Д. Кантемиром в начале 1740-х годов, и в публикации в «Санкт-Петербургском журнале» 1798 года⁴⁴. Статья же Миллера, напомним, вышла в 1755 году⁴⁵.

Начинается она с небольшого введения, в котором автор определяет значение труда Нестора, отмечает его уникальность, говорит о необходимости издания Начальной русской летописи, а также «Истории» Татищева, после чего формулирует цель собственного «исследования»: «объявить о преподобном Несторе и о тех, кои летопись его продолжали». Сопоставляя далее тексты Киево-Печерского патерика, Четых миней и самой Начальной летописи, Миллер переходит к доказательству авторства Нестора. Следующий вопрос, которым он задается, — дата рождения летописца. Историк устанавливает ее опять же путем сравнения различных сведений самой Начальной летописи с житиями Феодосия и Антония Печерских. Затем Миллер ставит вопрос, оказавшийся впоследствии одним из ключевых в истории русского летописания, — «сколь долго Нестор жил и как далеко дошел в сочинении своей летописи». В поисках ответа на этот вопрос историк идет тем же путем, что и все последующие исследователи: он анализирует текст самой летописи и вступает в связи с этим в полемику с Татищевым — своим единственным предшественником. Наконец, заключительная часть статьи — это краткий обзор последующей после Нестора истории русского летописания вплоть до XVII века. Завершается она повторением призыва к изданию летописи Нестора, на сей раз уже на иностранных языках, «дабы тем скоряе... другие европейские народы... могли оным пользоваться и сим способом выти из той темноты, в которой они по сие время в разсуждении древней Российской истории находятся». Стоит отметить, что в тексте статьи имеются выделенные цитаты из привлеченных источников, причем некоторые из них вынесены в подстрочные примечания. При этом в самом начале статьи автор обозначает, что пользуется изданием Киево-Печерского патерика 1702 года, хотя лишь один раз называет страницу, на которой находится цитируемый им текст.

Статья Миллера «О первом летописателе Российском преподобном Несторе» была первой специальной работой, посвященной истории русского летописания и таким образом положившей начало одному из важнейших

⁴⁴ Словарь русского языка XVIII века. Вып. 9. СПб., 1997. С. 145.

⁴⁵ Слово «исследование», судя по всему, получило распространение в первой трети XIX века. В статье Н.В. Гоголя 1832 года читаем: «Слово “исследование” весьма идет к его стилю; его повествование именно исследовательное». Это высказывание вполне подходит для характеристики Г.Ф. Миллера, но адресовано малоизвестному швейцарскому историку Иоганну Миллеру (1752–1809) (Гоголь Н.В. Шлёцер, Миллер и Гердер // Гоголь Н.В. Собр. соч. Т. VI. М., 1986. С. 89).

направлений отечественной историографии. Но по существу именно ее можно определить и как первую журнальную статью исследовательского характера по истории России на русском языке. При этом нетрудно заметить, что она содержит фактически все компоненты, ставшие впоследствии обязательными для этого жанра научной работы и, следовательно, можно утверждать, что ею был задан своего рода образец формата исследовательской статьи.

Совершенно очевидно, что обоснование проблемы и ее значимости, определение цели исследования в наше время являются обязательными компонентами не только научной статьи по истории, но и вообще всякого научного исследования. Однако современное историческое исследование, в том виде, как оно сложилось в отечественной традиции, имеет особый компонент, только для него носящий обязательный характер — обзор источников. Первая попытка подобного рода была сделана В.Н. Татищевым в его «Предъизвещении» к «Истории Российской». «Отец русской истории» перечисляет довольно значительное число различных, в основном нарративных источников — летописи, хронографы, Степенную книгу, свадебные разряды, жития святых, а также авторские сочинения А. Палицына, А. Курбского, А. Лызлова, С. Медведева, А.А. Матвеева и др. Упоминает он и «дипломатические» документы, скопированные им в архивах Казани, Астрахани и Сибири. Некоторым из источников Татищев дает краткие характеристики относительно степени их достоверности: «хотя многими баснями наполненная, однако ж много нужднаго», «кем сочинена, неизвестно, но многими баснями, и не весьма пристойными, наполнена». Порядок перечисления Татищевым использованных им источников выглядит следующим образом: 1) Повесть временных лет, 2) Хронограф, 3) «Синописис» И. Гизеля, 4) летописи, 5) «дипломатические» документы, 6) авторские сочинения, 7) свадебные разряды, 8) агиографическая литература⁴⁶. Этот перечень весьма далек от какой-либо систематизации источников, соотносимой с принятой в современном источниковедении.

Миллер, как уже упоминалось, также посвятил обзору источников несколько страниц своего предисловия к «Истории Сибири». Однако, упомянув в нем несколько раз о найденных в Сибири архивных документах и высоко оценив их значение, главное внимание историк уделил сибирским летописям, довольно подробно остановившись на характеристике различных списков. Спустя несколько лет после завершения работы над «Историей Сибири», в 1761 году Миллер продолжил «Историю Российскую» Татищева своим «Опытом новейшая истории о России». Обзор источников в этом сочинении свидетельствует об определенной эволюции Миллера как ученого.

⁴⁶ Татищев В.Н. История Российская. Ч. 1. М.; Л., 1962. С. 79–92.

Основная часть «Опыта» — сочинения, носившего монографический характер, была опубликована по-немецки в четырех выпусках пятого тома «Sammlung Russischer Geschichte», а первая часть — в том же году в трех номерах «Ежемесячных сочинений»⁴⁷. «Опыт» начинается пространным авторским обоснованием избранной темы. Миллер приводит два главных резона. Во-первых, он считал необходимым продолжить «Историю» Татищева «для приведения в некоторое совершенство всея Российской Истории». Во-вторых, это соображения о воспитательном значении истории:

Когда вся история должна из примеров показывать нам правила, по коим учредить и расположить наши поступки, то не токмо похвальные дела производят сие действие, но и рассказывание о порочных, безрассудных, дерзновенных, изменнических и безчеловечных делах в себе содержат толь много полезного, что еще казаться может сомнительным, имеют ли в том преимущество благополучнейшие и достохвальнейшие случаи, что касается до пользы в нравоучении и политике. Человеку сродно взирать на доброе дело... яко на обыкновенное, без великаго восторга. Но злое возбуждает ужас, когда живо изображается. Пускай порок примет вид добродетели, сколь долго может; время делает оной известным и мерским⁴⁸.

Покончив с общими рассуждениями, Миллер переходит к обзору источников, оговаривая при этом, что он посвящен только русским источникам, поскольку иностранные авторы,

выключая некоторых, совсем не знали Российскаго языка... слышали много несправедливо, худо разумели и неисправно рассуждали; и потому их известия могут токмо служить изъяснением, поелику оныя не уничтожатся исправнейшими Российскими известиями.

Обзор российских источников Миллер строит в следующей последовательности: 1) летописи, 2) хронографы, 3) Степенная книга, 4) «Летопись о многих мятежах», 5) «Ядро Российской истории» А.И. Манкиева, 6) родословные и разрядные книги, 7) «архивные письма», т.е. делопроизводительные документы. Каждому из этих видов источников историк дает краткую критическую характеристику, включающую его происхождение, сведения о разных списках и отличиях между ними с точки зрения характера и полноты информации. Так, например, характеризуя списки Степенной книги, Миллер отмечает, что большинство известных ему списков насчи-

⁴⁷ Публикация «Опыта» на русском языке была прервана в результате доноса М.В. Ломоносова, утверждавшего, что «Миллер пишет и печатает на немецком языке смутные времена Годуновы и Растригины, самую мрачную часть российской истории, из чего чужестранные народы худые будут выводить следствия о нашей славе». Подробнее см.: Каменский А.Б. Судьба и труды историографа Герарда Фридриха Миллера. С. 389–391.

⁴⁸ Миллер Г.Ф. Опыт новейшей истории о России // Миллер Г.Ф. Избранные труды. С. 158–159.

тывает 17 степеней, некоторые включают и 18-ю, т.е. правление царя Фёдора Иоанновича, а другие содержат и сведения более позднего времени, но «без числа степеней». Поскольку основной объем информации в Степенной книге связан с церковными делами, а «о светских делах иное пропускали», историк делает вывод о составлении книги представителями церкви. Говоря о разрядных книгах, Миллер впервые в историографии определяет их назначение как местнических справочников, а заодно дает характеристику самому местничеству как важнейшему социальному институту и рассказывает о его отмене, сопровождавшейся уничтожением разрядных книг. Что же касается «архивных писем», то автор «Опыта» поясняет, что речь идет о документах, найденных им в местных сибирских архивах и в первую очередь в архиве Чердыни.

Есть ли кому странно покажется, — объясняет Миллер, — что такие письма находились в толь отдаленных местах, то надобно знать, что в оныя времена... все государство в беспрестанном было движении. Царские указы разсылались о всем том, что в Москве происходило, во все города, и начальники в городах уведомляли один другаго о новополученных известиях.

Далее Миллер выражал надежду на то, что еще более ценные документы будут найдены в московских архивах, и признавался, что именно обнаружение этих документов в архивах Сибири побудило его к написанию «Опыта»⁴⁹. Стоит заметить, что Миллер в это время, по-видимому, еще не знал о московском пожаре 1626 года, уничтожившем значительную часть документов Смутного времени, что впоследствии дало повод известному русскому археографу П.М. Строеву патетически воскликнуть:

Что бы было с временами Лже-Дмитриев и смутного правления бояр в Междоцарствии... если б Миллер, один Миллер, не восстановил их актами, кои он открыл в пыли городских архивов Сибири⁵⁰.

Присмотревшись к обзору источников в «Опыте» Миллера, нетрудно заметить, что по составу и построению он очень близок к принятой в современной науке классификации письменных источников по истории России XVI–XVII веков. Единственная «ошибка», с этой точки зрения, — это помещение Миллером между «Летописью о многих мятежах» и разрядными книгами авторского сочинения Манкиева. Однако и тут прослеживается определенная логика: и «Летопись», и «Ядро Российской истории» историк рассматривает как нарративные источники, по своему авторскому характеру примыкающие к летописям, хронографам и Степенной книге и отличающиеся от вышедших из стен государственных учреждений родословных и разрядных книг, а также делопроизводственных документов.

⁴⁹ Там же. С. 159–163.

⁵⁰ Цит. по: Барсуков Н.П. Жизнь и труды П.М. Строева. СПб., 1878. С. 69.

Статья о летописании и «Опыт» были далеко не единственными работами Миллера, опубликованными в «Ежемесячных сочинениях» в течение десяти лет существования этого периодического издания. Как уже говорилось, журнал сыграл существенную роль в развитии русской журналистики. По словам Евгения Болховитинова, «вся Россия с жадностью и удовольствием читала сей первый русский ежемесячник»⁵¹. На протяжении второй половины XVIII — начала XIX века журнал дважды переиздавался. Влияние публикаций в этом журнале, а также многочисленных сочинений Миллера, написанных в московский период его жизни (1765–1783), исследователи обнаруживают в творчестве таких деятелей русской культуры, как Я.Б. Княжнин, А.Н. Радищев, Н.И. Новиков и др. Но несомненно, что они оказали влияние и на историков следующего поколения. «Скрытые цитаты» из трудов Миллера можно обнаружить не только у Н.М. Карамзина, но даже у жившего много позже В.О. Ключевского. Гораздо сложнее определить влияние этих трудов на становление научных жанров русской исторической науки, закрепление форм представления и распространения результатов исторических исследований. Однако можно утверждать, что к уже признанным заслугам Миллера перед русской исторической наукой можно добавить и его вклад в профессионализацию в России самого, по выражению М. Блока, «ремесла историка», превращение истории из литературы в науку и формирование научной среды, в которой «известия» о прошлом из познавательного и назидательного рассказа постепенно превращались в предмет научного исследования и обсуждения.

⁵¹ Евгений [Болховитинов]. Словарь русских светских писателей соотечественников и чужестранцев... Т. II. С. 67.